

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК**

С.В. Цыб

**2000 ЛЕТ
ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА:
История нашего летосчисления**

(Учебное пособие)

**Издательство Алтайского госуниверситета
Барнаул
1999**

ББК 63.227

Ц 93

Рецензенты: Кафедра всеобщей истории Барнаульского
государственного педуниверситета;
Е.П. Глушанин д.и.н., профессор

Ц 93 Цыб С.В. 2000 лет от Рождества Христова: История
нашего летосчисления. Учебное пособие. Барнаул:
Изд-во Алт. ун-та, 1999. 69 с.

В научно-популярной форме книга излагает историю
возникновения и развития нашего летосчисления и пробле-
му его исторической и канонической точности. Книга рас-
считана на широкую читательскую аудиторию (студенты,
преподаватели истории, школьники и др.) и обращена ко
всем, кто интересуется наступлением «юбилейного» 2000
года и третьего тысячелетия.

© Цыб С.В. 1999 г.

© Алтайский госуниверситет 1999 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1 Когда родился Иисус Христос?	6
Предания священной истории: Версия Матфея.....	6
Вифлеемская «звезда».....	10
Предания священной истории: Версия Луки.....	16
В поисках ответа.....	20
Глава 2 Создание нашей эры	27
Загадки Дионисия Малого.....	27
Христианская Пасхалия.....	32
Расчеты Дионисия.....	37
«Триумфальное шествие» Эры Дионисия.....	40
Глава 3 Русское летосчисление и эра от Рождества Христова	46
Летосчисление языческой Руси.....	47
Русское христианское летосчисление.....	51
Реформа Петра I.....	58
Первый русский хронолог.....	63
Заключение	69

Две тысячи лет, две тысячи лет;
Мы жили так странно две тысячи лет.
Борис Гребенщиков "Вавилон"

Пройдет совсем немного времени, и в полночь с 31 декабря 2000 г. на 1 января 2001 г. все мы будем встречать начало третьего тысячелетия нашего летосчисления. Вряд ли стоит придавать этому событию мистический смысл и ожидать от начала нового тысячелетия каких-то катастроф, чудес или других невероятных событий. Времяисчисление – условность, помогающая людям «обуздать» безостановочный ход жизни, и поэтому каждая система счета лет условна и в смысле выбора исходного ориентира, и в своей протяженности. Каждая эра – только более или менее продолжительный фрагмент объективной реальности, началом которого является произвольно выбранный момент прошедшего времени, а окончанием – современность. Поэтому, 2001 г. нашей эры ничем не отличается от 1998 г. или, скажем, от 2134 г. Человечество знает и множество других эр, которые своей продолжительностью превосходят наш летосчислительный «фрагмент». Так, например, по восточнохристианскому счету к настоящему времени прошло уже более семи с половиной тысяч лет, а по китайскому циклическому – более четырех с половиной тысяч. Таким образом, окончание второй тысячи лет нашей эры и начало третьей тысячи не представляют собой какого-то исключительного и чрезвычайного происшествия.

И все же мы не можем считать наступление нового тысячелетия событием обыденным и не заслуживающим общественного и научного внимания. Как-никак, но весь мир использует эту эру в качестве международного счета времени. Мы называем ее «нашей эрой», и хотя такое название возникло во времена воинствующего государственного атеизма как замена более правильному, но отдающему религиозностью названию «эра от Рождества Христова», этот способ счета лет настолько прочно вошел в наш быт, что с полным основанием может считаться «нашим». Годами этой эры мы ведем счет текущего времени и обозначаем

все события своей личной жизни, жизни своего народа и всего человечества. На эту эру мы пересчитываем все события прошедшей человеческой истории, чтобы понять, насколько они удалены от нас. Наконец, прогнозируя свое будущее, пробуя предсказать ожидающее нас впереди добро или зло, мы опять же используем годы этой эры. Образно говоря, наша эра справляет свой двойной юбилей: оканчивается очередное ее столетие и, одновременно с тем, очередное тысячелетие. Продолжительность человеческой жизни настолько коротка, что не каждому поколению людей удастся прожить моменты окончания столетий, и уж тем более, немногие поколения доживают до окончания тысячелетий, нам же посчастливилось пережить одновременно и тот, и другой рубеж. Из наших предшественников похвастаться таким совпадением могли бы только современники киевского князя Владимира Святославича, крестителя Руси, жившие на границе X и XI вв. (правда, большинство из них даже не подозревали о необычности своей эпохи). В следующий раз подобное стечение обстоятельств придется на время жизни наших прапра... (здесь надо, примерно, пятьдесят раз употребить приставку «пра») ...правнуков. Согласимся с тем, что уже сама по себе редкость переживаемого момента делает его необычным и знаменательным.

Именно поэтому мы должны знать историю происхождения и развития нашего летосчисления и объективно оценивать его точность. Кто, когда и на каких основаниях придумал нашу эру, и когда она стала применяться в России? Совпадает ли на самом деле начальная точка отсчета нашей эры (ее называют «эпохой эры») с тем событием, которое выбрано в качестве исходного, т.е. с рождением Иисуса Христа? Если совпадения нет, то почему оно не было достигнуто в момент создания нашей эры, и почему позже не была проведена корректировка? Были или нет у людей какие-то иные способы счета времени, связанные с Рождеством и почему они оказались забытыми? Эти вопросы должны быть интересными для любого образованного и культурного человека, и ответы на них содержит эта книга. Ее автор постарался

найти такую манеру изложения, которая была бы доступной как для студента, только начинающего знакомиться с историей, так и для серьезного ученого, как для людей верующих, так и для читателей, равнодушных к религии, одним словом, для всех, кто желает приобрести или пополнить свои знания о современном летосчислении.

ГЛАВА 1. КОГДА РОДИЛСЯ ИИСУС ХРИСТОС?

Сразу обговорим один очень важный момент: мы не будем обсуждать историческую реальность Иисуса Христа и, следовательно, правдоподобность его рождения. Отсчитывая от Рождества Христова каждый очередной год, мы как бы признаем истинность этого события, причем делаем это совершенно неосознанно. Все мы, считающие годы таким образом, как верующие в Христа, так и нет, заключили между собой что-то похожее на негласное соглашение – считать это событие свершившимся и не подлежащим какому-либо сомнению. Примерно также все мы договорились считать, что клочки бумаги, именуемые нами «деньги», имеют именно такую ценность, какая обозначена на них цифрами, хотя на самом деле это, конечно же, не так.

Предания священной истории: Версия Матфея

Пробуя установить время Рождества, мы, конечно же, в первую очередь должны заглянуть в книги Нового Завета, в священные евангельские тексты, специально описывающие историю земной жизни Иисуса Христа.

К великой нашей досаде, евангелисты, описывая рождение Иисуса, не употребляли точных датировок, предпочитая такие расплывчатые даты, как "в те дни", "в то время", "с того времени", "тогда", "потом" и т.п. В священных текстах мы не найдем ни номера года, ни месячного числа, обозначающих рождение Сына Божьего. Вряд ли стоит упрекать за это биографов Иисуса. Во-первых, в древней литературе принято было употреблять точ-

ные датировки только в сочинениях историко-хроникальных, описывающих события большой политической значимости, или же в математико-астрономических трактатах, тогда как религиозная письменность обходилась без них. Во-вторых, тексты Евангелий писались много десятилетий спустя после предполагаемой земной жизни Спасителя и, понятно, что к тому времени устные предания о Христе уже потеряли хронологическую конкретность. Считается, что самым древним из канонических евангельских текстов было Евангелие от Марка, которое появилось не ранее 70-х гг. I в. н.э., т.е. примерно 40 лет спустя после смерти Иисуса Христа¹. Возможно допустить, что и в самих первоначальных преданиях точных дат не было, так как для современников евангельских событий было неважным уточнять их хронологию.

Тем не менее, на евангельских страницах мы можем отыскать косвенные приметы той исторической эпохи, к которой раннехристианские авторы относили Рождество. Прежде всего, это упоминаемые рядом с христианскими героями реальные исторические лица, жизнь и деятельность которых описана в других сочинениях, имеющих точную и относительно достоверную хронологию. Кроме того, большую ценность имеют и описанные евангелистами небесные явления, потому что современная астрономия может с помощью расчетов установить год, месяц, день и даже час всех случавшихся ранее солнечных и лунных затмений, появлений комет, заходов и восходов звезд точно так же, как она это делает в отношении будущего времени. Наконец, полезной для историко-хронологического изучения Евангелий может быть относительная связь новозаветных событий, т.е. их последовательность и очередность, указание числа лет, прошедших от одного события до другого, указание на возраст того или иного персонажа и т.д.

Наибольшее число таких сведений содержит Евангелие от Матфея, поэтому мы процитируем здесь фрагменты второй главы этой книги Нового Завета, позволив себе выпустить из ци-

таты все, не относящееся к нашей теме и особо выделить важные для нас сведения:

2.1. *Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока и говорят:*

2.2. *«Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему».*

2.3. *Услышав это, Ирод царь встревожился...*

2.7. *Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, выведал от них время появления звезды*

И, послав их в Вифлеем, сказал: «Пойдите, тщательно разведайте о Младенце»...

2.9. *Они, выслушавши царя, пошли. И се, звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец.*

2.10. *Увидевши же звезду, они возрадовались радостью весьма великою...*

2.13. *...Ангел Господень яляется во сне Иосифу и говорит: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе; ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его».*

2.14. *Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет,*

2.15. *И там был до смерти Ирода...*

2.16. *Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов...*

2.19. *По смерти же Ирода, – и се, Ангел Господень во сне яляется Иосифу в Египте*

2.20. *И говорит: «Встань, возьми Младенца и Матерь Его и иди в землю Израилеву»...*

2.22. *Услышав же, что Архелай царствует в Иудее вместо Ирода, отца своего, убоялся туда идти; но получив во сне откровение, пошел в пределы Галилейские.*

Итак, о времени Рождества из предания, записанного в Евангелии от Матфея, мы получили такую информацию: Христос родился в то время, когда иудейским царем был Ирод Великий, причем рождение произошло незадолго до смерти Ирода, потому что после его смерти, при его наследнике Архелая, Иисус был еще «Младенцем». Понятно также, что между Рождеством и смертью Ирода прошло около двух лет; если предположить, что кровожадный царь скончался сразу после избияния младенцев, то возраст выбранных жертв указывает на предполагаемый возраст нового «Царя Иудейского». Кроме того, важно отметить, что Рождество и избияние младенцев сопровождалось, по Матфею, присутствием на небе какой-то новой «звезды».

Попробуем выяснить год смерти царя Ирода, а затем, удравнив эту дату на два года, получить год Рождества, как его предполагал Матфей. Самые подробные и точные сведения о биографии Ирода встречаются в сочинениях известного древнееврейского историка I в. н.э. Иосифа Флавия «Иудейские древности» и «Иудейская война». Здесь не указывается, правда, точного года смерти царя, но зато вполне определенно говорится о том, что Ирод умер 37 лет спустя после того, как консулами в Риме были избраны Домиций Кальвин и Азиний Поллион (40 г. до н.э.) и 34 года спустя после консульства Марка Випсания Агриппы и Канидия Галла (37 г. до н.э.). Оба этих свидетельства выводят нас на 3 г. до н.э. как год смерти иудейского царя. Впрочем, можно допустить, что Ирод умер и на год раньше, в 4 г. до н.э., так как консулы в Риме вступали в свои полномочия в день 1 января, а древнееврейские годы, которые и использовал в своей хронологии Иосиф Флавий, начинались в марте.

Описывая правление Архелая, преемника Ирода в Иудее, Иосиф указывает, что в год консулов Лепида и Аррунция (6 г. н.э.) новый иудейский царь был отправлен в ссылку, и это случилось на десятом году его царствования. Выходит, что Архелай воцарился в Иудее в 4 г. до н.э., и тогда же умер Ирод. Другой его наследник, Ирод Филипп, царствовал в Трахонитиде, по сведениям Иосифа, 37 лет и умер в 20-й год правления в Риме импе-

ратора Клавдия Нерона Тиберия, т.е. в промежутке времени между августом 33 и августом 34 г. н.э.; эта линия расчетов показывает смерть Ирода Великого в 4 или 3 г. до н.э.

Можем ли мы уточнить интересующую нас дату? Когда же, все-таки, окончил свою жизнь первый гонитель Христа – в 4 или в 3 г. до н.э.? Окончательно решить этот вопрос помогает опять же информация Иосифа Флавия. Он пишет, что во время последней смертельной болезни царя было лунное затмение, после которого Ирод, находившийся в Иерихоне, почувствовал себя лучше. Затем, однако, состояние больного ухудшилось, и его отвезли в купальни на берегу Мертвого моря, но поскольку водные процедуры не помогли, умирающего вновь вернули в Иерихон. В тот момент из Рима пришло распоряжение императора Августа о казни Антипатра, отца Ирода, находившегося в заключении, сразу же это распоряжение было выполнено и через пять дней после казни, и уже незадолго до весеннего праздника Пасхи Ирод наконец умер. Понятно, что в этом рассказе речь идет о событиях, происходивших одно за другим в коротком промежутке времени, скорее всего, в течение нескольких дней. Определяющим для их датировки будет сообщение о лунном затмении: еще в XVIII в. французский астроном де Ланд определил, что в последние годы жизни Ирода были только три лунных затмения, которые могли видеть жители Палестины – в марте и в сентябре 5 г. до н.э. и в марте 4 г. до н.э. Первые два случая не подходят для датировки, поскольку тогда надо признать, что описанные Иосифом события растянулись на 12 месяцев (от весны 5 г. до н.э. до весны 4 г. до н.э.) или на 6 месяцев (от сентября 5 г. до н.э. до весны 4 г. до н.э.). Таким образом, смерть Ирода произошла, **вероятнее всего, в 4 г. до н.э., а Рождество Христово – в 6 (или, что менее вероятно, в 7) г. до н.э.**

Вифлеемская «звезда»

Мы помним о том, что Евангелие от Матфея содержит еще одну важнейшую деталь датировки Рождества Христова –

описание «звезды», которая появилась «на востоке» примерно за два года до смерти Ирода Великого и символизировала собой приход Мессии на Землю. Долгое время средневековые христианские хронологи, с увлечением занимавшиеся поиском даты Рождества, обходили это свидетельство стороной. Как западная, так и восточная христианская церковь настороженно, если не сказать агрессивно, относилась к научному астрономическому знанию, в лучшем случае используя устаревшие достижения античных ученых. Именно поэтому сведения о евангельской «звезде» не привлекали внимания богословов. Те же из них, кто имел мало-мальские представления о движении небесных светил, не находили у астрономов древнего мира никаких примечательных сообщений, относящихся к эпохе императора Августа и царя Ирода.

Только веяния нового времени сблизили богословие с астрономией. Оказалось, что передовые научные достижения можно очень умело и гибко привлекать к объяснению божественной сущности Вселенной и к разработке конкретных церковно-хронологических проблем. Именно здесь, «на стыке» религии и науки, трудился выдающийся немецкий астроном Иоганн Кеплер (1571–1630 гг.). Это имя нам становится известным еще из школьного курса астрономии, когда мы знакомимся с законами небесной механики, но мы мало что знаем о И. Кеплере – научном консультанте христианской церкви. Еще меньше мы знаем о его участии в обсуждении важнейших проблем церковного и гражданского времяисчисления, в чем он был, оказывается, весьма компетентен. Так, например, он принимал активное участие в обсуждении недостатков и преимуществ календарной реформы римского папы Григория XIII (1582 г.) в те времена, когда новый календарь еще являлся объектом оживленных споров, составлял хронологические таблицы библейской истории и т.д.² Неудивительно поэтому, что именно И. Кеплер едва ли не первый заинтересовался описанной в Евангелии «звездой» и постарался с помощью астрономо-математических расчетов определить время ее восхода и, следовательно, время Рождества Христова.

Отвлечемся ненадолго от нашей основной темы и постараемся понять, почему на ночном небе восходят и некоторое время спустя заходят различные звезды. Не будем вдаваться здесь в сложности и представим такую незамысловатую картину: все мы находимся на Земле в качестве созерцателей окружающей ее со всех сторон небесной сферы и вместе со своей планетой ежедневно вращаемся вокруг земной оси и, кроме того, совершаем годовые обороты вокруг Солнца. Когда наша сторона Земли (т.е. та ее сторона, на которой мы находимся в данный момент) обращена к Солнцу, мы, естественно, не видим звезд, потому что их блеск меркнет в лучах более яркого светила; такое время суток мы называем «день». Ночью же, когда Земной шар отворачивает нас от Солнца, нашему взору открывается звездное небо, конечно, не во всей своей полноте, а только какой-то его сектор, доступный обзору с нашей позиции. Однако по мере того, как Земля смещается по окоლოსолнечной орбите, земным наблюдателям постепенно открываются другие участки небесной сферы, в связи с чем одни звезды меняют свое положение, другие появляются на ночном небе, а третьи исчезают из нашего поля зрения, чтобы через какое-то время появиться вновь. Безостановочные изменения ночного неба объясняются еще и тем, что сама небесная сфера тоже смещается, причем в ином направлении и с иной скоростью, нежели Земля. Наконец, планеты нашей системы совершают свой особый путь, дополняя тем самым хаотичную, казалось бы, картину звездного мира. Все эти перемещения, однако, подчиняются строгой цикличности, что позволило людям уже издревле научиться высчитывать восходы и заходы звезд и даже использовать звездные циклы для счета времени. К примеру, древние египтяне уже в III тыс. до н.э. умели предсказывать появление звезды Сириус из созвездия Большого Пса, совпадавшее с началом разлива Нила и строили на этом свой календарь.

Вернемся теперь к евангельской «звезде» и И. Кеплеру. В 1614 г. он выпустил во Франкфурте свое сочинение, носившее название «*De vero anno, quo aeternus Dei filius humanam naturam in utero benedictae Virginis Mariae assumpsit*» («О точном годе: в кото-

ром вечный Сын Бога принял человеческую природу в чреве благословенной Девы Марии»)³, в котором рассмотрел астрономическое сообщение Нового Завета. Расчеты ученого показали, что никаких «необычных» звезд в последние годы царствования Ирода на небе не появлялось, но именно тогда произошло очень редкое и необычное астрономическое явление: в 7 г. до н.э. две планеты солнечной системы, Юпитер и Сатурн, соединились в созвездии Рыб, и это соединение можно было наблюдать на ночном небе в мае, октябре и декабре.

Сами по себе схождения планет в одном секторе небесной сферы во все времена получали глубокомысленные астрологические и религиозные толкования, а в данном случае повод к ним был вдвойне весомее. Созвездие Рыб занимало особое место в мифологической трактовке зодиакального пояса созвездий⁴. Вот что пишет по этому поводу современный исследователь истории календаря А.Н. Зелинский: «С глубокой древности у халдейских мудрецов и вавилонских звездочетов созвездие Рыб связывалось с представлением о Мессии (интересно, что значение это оно сохранило и в средневековой иудейской традиции). Если следовать событиям евангельской истории, вырисовываются дополнительные причины известной акции царя Ирода Великого по избиению «всех младенцев в Вифлееме»... Событие, которое могло вызвать мистический ужас в сознании Ирода, было воспринято первыми христианами как ясное указание на то, что... Иисус Христос и есть Мессия, которого давно ожидало человечество... Именно Рыбы могли стать на самой заре христианства одним из его наиболее универсальных символов... В среде ранних христиан, гонимых и преследуемых государственным аппаратом Римской Империи, греческое слово «Рыба» рассматривалось как криптограмма из пяти начальных букв известной греческой фразы – «Иисус Христос Божий Сын, Спаситель»; взятые по отдельности, буквы эти образуют греческое слово «рыба», «Ιχθυος»⁵.

Итак, по мнению И. Кеплера, описанная в Евангелии «звезда» была совсем не звездой, а «великим соединением» Юпитера и Сатурна в созвездии Рыб. Рождество он почему-то отнес к

6 г. до н.э., т.е. ко времени после появления «звезды»; вероятно, с помощью этого допущения И. Кеплер хотел приблизить появление Мессии к смерти Ирода.

В начале XIX в. другой немецкий астроном, ординарный профессор Берлинского университета Людвиг Иделер выпустил замечательную книгу, не потерявшую значения историко-хронологической энциклопедии и ныне⁷. Большую часть 600-страничного второго тома своего сочинения Л. Иделер посвятил описанию христианского времяисчисления, и естественно, что, будучи астрономом, не мог обойти вниманием кеплеровскую версию Вифлеемской звезды. Предельно точные математические расчеты и обширные дополнительные сведения убедили берлинского профессора в правильности идеи своего предшественника и позволили внести некоторые уточнения. Так, Л. Иделер выяснил, что максимально близкое соединение Юпитера и Сатурна произошло в ноябре 7 г. до н.э., причем, немаловажным оказалось и то, что в те времена в Палестине эта сложносоставная «звезда» наблюдалась сначала в восточной части небесной сферы, а потом – в западной (вспомним, что волхвы пришли к Ироду «с востока», т.е. они двигались за «звездой» в направлении восток–запад)

И ныне кеплеровская трактовка евангельской «звезды» остается общепринятой, хотя современные астрономы обращают внимание на то, что в 7 г. до н.э. Юпитер и Сатурн не размещались на ночном небе настолько близко, чтобы их можно было принять за одну звезду. В 1992 г. в Праге вышла книга астронома Йозефа Шураня «Вифлеемская звезда», в которой еще раз затрагивается этот евангельский сюжет. Й. Шурань немного поправил расчеты И. Кеплера и Л. Иделера и удревнил появление «звезды» на год (ноябрь 8 г. до н.э.), сюда же переместив и Рождество. Эта версия кажется менее удачной, так как еще более удаляет избивание младенцев от смерти Ирода. Впрочем, правы те исследователи евангельской истории, которые утверждают, что астрономическим расчетам нельзя в данном случае придавать решающего значения. В самом деле, из рассказа евангелиста Матфея неясно,

появилась ли «звезда» одновременно с рождением Иисуса или же два этих события были разделены во времени. Прочитаем еще раз цитату из второй главы Матфея и убедимся в том, что безусловно точным является лишь приход волхвов к Ироду после Рождества. Как и многие другие хронологические определения Нового Завета, сообщение Матфея о «звезде» не может быть истолковано однозначно. Учитывая астрономо-математические вычисления И. Кеплера и Л. Иделера и совмещая их со священной историей, мы можем построить две возможные хронологические версии:

1. Волхвы заметили «звезду» в 7 г. до н.э. во время весеннего схождения Юпитера и Сатурна, а к Вифлеему шли осенью того же года, когда «звезда» вновь была видна (*«звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними»*; Матфей, 2.9). Ирод *«выведал от них время появления звезды... и послал избить всех младенцев в Вифлееме... от двух лет и ниже по времени, которое выведal от волхвов»* (Матфей, 2.7, 16). Чтобы понять смысл действий Ирода, мы должны допустить, что «выведал» он не о звезде, а о возрасте нового «Царя Иудейского» (но как могли об этом знать волхвы?). Рождество в этом случае надо относить к 9 г. до н.э. Версия сомнительна не только отсутствием логики в выборе двухлетнего возраста жертв избиения, но и тем, что после смерти Ирода (4 г. до н.э.) Иисус уже не был «Младенцем», как об этом говорит тот же Матфей (2.20).

2. Волхвы заметили «звезду» в 7 г. до н.э., но к Ироду пришли через два года, в 5 г. до н.э. Рождество в этом случае совпадало с моментом схождения планет и было, скорее всего, в конце 7 г. до н.э. Тогда становятся понятными и двухлетний возраст жертв избиения, и младенческий возраст Христа в 4 г. до н.э. Но (и это замечание разрушает прочность всего построения) волхвы не могли в 5 г. до н.э. наблюдать «звезду», следуя в Вифлеем!

Итак, Евангелие от Матфея предлагает нам довольно широкий диапазон возможной датировки Рождества, от 9 г. до н.э.

до 5 г. до н.э. Можно ли сократить этот отрезок времени с помощью другого новозаветного текста?

Предания священной истории: Версия Луки

Кроме Матфея, хронологические приметы Рождества описал и Лука. Посмотрим, что важно для нас в этом евангельском тексте:

1.5. Во дни Ирода, царя Иудейского, был священник... именем Захария, и жена его... имя ей Елисавета...

1.57. Елисавете же настало время родить, и она родила сына...

1.60. ...Мать его сказала: «...Назвать его Иоанном»...

1.80. Младенец же возрастал и укреплялся духом, и был в пустынях до дня явления своего Израилю.

2.1. В те дни вышло от кесаря Августа повеление сделать перепись всей земле.

2.2. Эта перепись была первая в правление Квирина Сириею.

2.3. И пошли все записываться, каждый в свой город.

2.4. Пошел также и Иосиф из Галилеи, из города Назарета, в Иудею, в город Давидов, называемый Вифлеем, потому что он был из дома и рода Давидова,

2.5. Записаться с Мариєю, обрученою ему женою, которая была беременна.

2.6. Когда же они были там, наступило время родить Ей...

2.39. И когда они совершили все... возвратились в Галилею, в город свой Назарет.

2.40. Младенец же возрастал и укреплялся духом...

2.41. Каждый год родители Его ходили в Иерусалим на праздник Пасхи.

2.42. И когда Он был двенадцати лет, пришли они также по обычаю в Иерусалим на праздник...

3.1. В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря, когда Понтий Пилат начальствовал в Иудее, Ирод был четверовластником в Галилее, Филипп, брат его, четверовластником в Итурее и Трахонтской области, а Лисаний, четверовластником в Авилинее,

3.2. ...Был глагол Божий к Иоанну, сыну Захарии, в пустыне

3.3. И он проходил по всей окрестной стране Иорданской, проповедуя крещение покаяния...

3.19. Ирод же четверовластник, обличаемый от него за Иродуану, жену брата своего...

3.20. ... Заключил Иоанна в темницу.

3.21. Когда же крестился весь народ, и Иисус крестившись молился, – отверзлось небо...

3.23. Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати...

В отличие от Матфея, Евангелие Луки не относит Рождество непосредственно к царствованию Ирода Великого; с ним оно связывает рождение Иоанна Предтечи, ничего не говоря о том, были или нет Иоанн и Иисус сверстниками. Но зато здесь вполне определенно Рождество связывается со временем правления римского императора Октавиана Августа и, более того, оно относится к моменту переписи населения, сделанной в Иудее по распоряжению Августа; при этом евангелист делает очень важное уточнение о том, что это была самая первая перепись, осуществленная при Квирина, римском легате в Сирии, которому административно подчинялась и Иудея.

В этом евангельском тексте мы находим и несколько относительных хронологических показаний, которые, не касаясь непосредственно времени Рождества, казалось бы, могут дать основания для его определения от других ориентиров. Так, начало проповеднической деятельности Иоанна относится к 15-му году правления римского императора Клавдия Нерона Тиберия, причем в том же году Понтий Пилат был римским прокуратором Иудеи, а марионеточными местными царями два сына Ирода Ве-

ликого, поделившие власть – Ирод Антипа (его Лука называет просто «Иродом») и Ирод Филипп («Филипп»). От Иоанна Предтечи принял крещение и Иисус, которому было тогда уже больше 12-ти лет, но он еще не достиг 30-летнего возраста. Если бы возраст крещенного Иисуса был определен здесь точнее и если бы Лука указал нам, в каком году проповедничества Иоанна произошла встреча этих двух персонажей Нового Завета, тогда бы мы могли с точностью рассчитать год Рождества от твердой и несомненной даты – 15-й год Тиберия, который соответствовал 28 г. н.э. Но, увы, евангельский текст этих сведений не дает, и поэтому у нас остается только указание Луки на перепись в Иудее. Хронологический анализ этого известия приводит нас к весьма неожиданному результату, неожиданному в сравнении с уже знакомыми нам сведениями Матфея.

Как сообщает уже известный нам древнееврейский писатель Иосиф Флавий в «Иудейских древностях», римский легат Квирий был послан на восток для проведения переписи некоторое время спустя после того, как в 6 г. н.э. иудейский царь Архелай был смещен с престола и Иудея была объявлена римской провинцией. Перепись не могла быть позже 14 г. (год смерти императора Августа) и, как считают историки, скорее всего она состоялась до 10 г. Получается, что между Рождеством, как его мыслил Матфей, и Рождеством по версии Луки разница достигает, как минимум, 11 лет! Создается впечатление, что сами евангелисты не имели точного представления о времени появления Сына Божьего на Земле.

Историки христианства и богословы давно уже волновало такое вопиющее противоречие в показаниях Матфея и Луки, и они пробовали дать ему какое-либо объяснение или же отыскать какие-то дополнительные сведения, помогающие уравнять во времени две евангельских даты. Выдающийся немецкий историк-античности Теодор Моммзен в 60-е гг. прошлого века обратил внимание на то, что в одном дефектном месте «Иудейских древностей» упоминается какой-то римский правитель Сирии, дважды занимавший эту должность в царствование Августа (его

имя как раз и содержалось в поврежденной части текста); Т. Моммзен предположил, что это и был тот самый Квириний и, сопоставив свое предположение с известным списком сирийских легатов, пришел к выводу, что единственными «окнами» в этом списке для предполагаемого первого правления Квириния было время не позже 10 г. до н.э. или же после 4 г. до н.э. В это время и могла проходить первая перепись населения в Иудее, которую и описал Лука, а вторая – около 10 г. н.э.

Другими словами, Т. Моммзен существенно приблизил версию Луки к хронологии Матфея. Если предположить, что Квириний проводил перепись около 10 г. до н.э., тогда, вероятно, надо принять за год Рождества 9 г. до н.э., вычисленный по Вифлеемской «звезде»; правда, в 9 г. до н.э. легатом Сирии был уже Марк Тиций, но завершающаяся при нем перепись могла по-прежнему связываться с именем Квириния, поскольку при нем началась. Если же считать, что первое легатство Квириния началось вскоре после смерти Ирода Великого (4 г. до н.э.), тогда к этому же году, вопреки мнению Матфея, и надо относить Рождество или же принять ближайшую матфеевскую дату – 5 г. до н.э.

Каких-либо других сведений о Рождестве Христовом в Новом Завете нет. Можно было, правда, выбрать из евангельских текстов сведения о времени крестной смерти Иисуса и, учитывая его возраст в момент распятия, определить дату рождения, но этот путь, во-первых, увел бы нас далеко в сторону от нашей темы и, во-вторых, оказался бы не более эффективным, поскольку и это событие земной биографии Иисуса Христа датировано различными евангелистами недостаточно конкретно и очень противоречиво¹.

Итак, нам становится понятным, что евангельские тексты не дают никаких надежных оснований для определения даты Рождества Христова. Каждая из возможных версий сопровождается различными оговорками, предположениями, допущениями и т.д. и, кроме того, входит в противоречие с другими.

В поисках ответа

Неутешительный вывод о бесполезности евангельских сведений в определении даты Рождества не мог удовлетворить образованных сторонников христианства. Уже в первые столетия существования этой религии ученые христиане старались уточнить важнейшую дату своей истории, используя для этого не только информацию Нового Завета, но и какие-то устные предания и собственные хронологические вычисления.

В отличие от своих предшественников-евангелистов раннехристианские писатели старались обозначить время Рождества конкретным годом. Своих особенных способов счета лет у христиан тогда еще не было, поэтому авторы II–IV вв. использовали те эры летосчисления, что были приняты в различных странах древнего мира. Самыми известными и употребляемыми в то время были две летосчислительных системы. Одну из них разработали еще в III в. до н.э. два древнегреческих ученых – историк Темея и математик Эратосфен. За начало отсчета лет здесь принимался год первых Олимпийских игр; по нашим хронологическим ориентирам, этот древнегреческий год начинался 1 июля 776 г. до н.э. От этой исходной точки счет лет велся четырехлетними циклами (т.е. от одной Олимпиады до следующей), и в каждом цикле он начинался заново. Например, первые четыре года по эре Темея-Эратосфена обозначались так: первый год первой Олимпиады, второй год первой Олимпиады, третий и затем четвертый годы первой Олимпиады, далее – первый год второй Олимпиады, затем второй, третий и четвертый годы второй Олимпиады, потом – первый год третьей Олимпиады, и т.д.

Другой популярной эрой было летосчисление от основания Рима. Начальная история своего родного города не была, однако, хорошо известна даже самим римлянам и поэтому древние латинские писатели каждый по своему определяли время основания своей столицы (сейчас известно более десяти вариантов эры от основания Рима). Однако уже в I в. н.э. самой точной была признана версия известного римского историка Марка Теренция

Варрона, который ссылался на какой-то греческий источник, относивший основание Вечного Города к третьему году шестой Олимпиады, т.е. к 753 г. до н.э. Во времена Варрона праздник своего города римляне отмечали 21 апреля, и поэтому историк посчитал, что именно в этот день и был заложен первый кирпич в основание Рима. Другими словами, эпохой этой эры считается 21 апреля 753 г. до н.э.

Одним из первых, если не самым первым среди раннехристианских авторов, попытался точно датировать Рождество епископ христианской общины в Лионе Ириней (вторая половина II в.). По всей видимости, его сочинения пользовались большим уважением и в других местах обитания христиан, переписывались и с уважением перечитывались (до нас, к сожалению, мало что дошло из его литературного наследия). Даже в Армении (так далеко от Лиона!) был сделан перевод «Доказательства апостольской проповеди» Иринея, и как раз в этом тексте обнаруживается такая дата Рождества – 751-й год от основания Рима (или 3 г. до н.э.). Неясно, правда, позаимствовал ли епископ Лиона эту дату из каких-то источников или же рассчитал ее самостоятельно. Отметим, что довольно часто Ириней цитировал в своих сочинениях Евангелие от Луки; судя по всему, этот новозаветный текст был известен ему лучше других. Для нас эта деталь интересна потому, что одной из возможных версий датировки римской переписи в Иудее, во время которой и родился, по мнению Луки, Иисус, мы ранее уже отметили годы после смерти Ирода, т.е. после 4 г. до н.э.

Другой автор, Тертуллиан, младший современник Иринея (конец II – начало III в.), датировал Рождество также и, может быть, под непосредственным влиянием авторитета лионского епископа, но два других известных автора этого времени, которые, несомненно, находились под воздействием Иринея, предпочли почему-то другую датировку. Климент, глава александрийской школы богословия, на один год омолодил дату Иринея – 752-й год от основания Рима (2 г. до н.э.). В одном из своих сочинений Климент сетовал на то, что среди христиан Александрии

имеют хождения сомнительные евангельские тексты (Евангелие евреев, тайное Евангелие Марка и др.). Не из этих ли апокрифов (т.е. неканонических, не вошедших в Новый Завет сочинений) узнал «точную» дату рождения Иисуса Климент? Этот же год признал и один из ближайших последователей Ириния, епископ римской общины Ипполит. Интересно, кстати, что в его «Толкованиях на пророка Даниила» нам впервые встречается и календарная дата дня Рождества – 25 декабря. В ее определении Ипполит не прибегал к каким-то особым хронологическим премудростям: он просто отсчитал 9 месяцев от дня 25 марта, когда, по мнению римских христиан, произошло Непорочное Зачатие Иисуса в чреве Марии. Поясним, все же, что день 25 марта, на который и сейчас приходится один из главнейших праздников христианства Благовещение Богородицы, совсем не случайно был выбран первыми поколениями христиан для обозначения такого знаменательного события. Дело в том, что еще в дохристианскую эпоху многие языческие народы считали этот день началом весны, потому что как раз 25 марта наступало астрономическое равноденствие (световая и ночная части суток составляли по 12 часов), а затем начиналось увеличение «дня» и сокращение «ночи»⁸. По мысли первых христиан, еще находившихся под влиянием языческих представлений, совпадение дня Благовещения с днем весеннего равноденствия символизировало собой наступление «весны» новой религии и «весны» истории человечества. В этом случае получалось, что и день Рождества, 25 декабря, тоже приобретал символический смысл, так как был днем зимнего солнцестояния, когда самый короткий на протяжении года световой день начинается увеличиваться, а самая длинная ночь сокращаться.

Вернемся, однако, к поискам ответа на вопрос о годе Рождества. Версия Климента и Ипполита стала популярной и повторялась в нескольких христианских сочинениях III–IV вв. Некоторые авторы этого времени просто копировали датировку предшественников (так, к примеру, поступил кипрский епископ

Епифаний), но у других писателей мы встречаем дополнительные аргументы в пользу ее выбора.

В III в. патриарх антиохийских христиан Секст Юлий Африканский написал первое в истории христианской литературы специальное историко-хронологическое сочинение «Хронография» (оно дошло до нас только во фрагментах, переписанных на страницы более поздних произведений). Во времена Юлия Африканского христианские хронологи (компутисты, от латинского *computer* – считать), особенно часто те из них, что жили в Малой Азии, старались уже определить не только год Рождества, но и интервал времени, отделявший это событие от другого важнейшего происшествия религиозной истории, от Сотворения Мира Богом–Отцом. Этот интервал антиохийский епископ определил в 5500 лет, полагаясь на слова Соборного Послания апостола Петра: «У Господа один день как тысяча лет, и тысяча лет как один день» (2-е Послание Петра, 3.2). Отсюда была выведена следующая пропорция: сколько дней длилось Сотворение Мира, столько тысяч лет этот Мир существовал до рождения Сына Божьего. При определении же года Рождества Юлий ориентировался на показания Евангелия от Матфея, т.е. определял его от смерти Ирода Великого. Сочинения Иосифа Флавия автору «Хронографии» были неизвестны, и поэтому он прибег к переводу какого-то древнегреческого перечня победителей Олимпийских игр, где были указаны и некоторые исторические события. По расчетам Юлия вышло, что Ирод умер в четвертом году 194-й Олимпиады, а Рождество было на два года раньше, т.е. во втором году 194-й Олимпиады (2 г. до н.э.). Получается, что Юлий Африканский пришел к тому же выводу, что и Ириней с Ипполитом, но у него эта дата не была заимствована из каких-то апокрифических текстов, а целиком основывалась на специальных хронологических расчетах. «Хронография» Секста Юлия Африканского положила начало развитию христианской хронологической школы, специализирующейся на расчетах датировок важнейших событий Священной истории.

Эту традицию продолжил в конце III – начале IV в. первый описатель истории христианской церкви кессарийский епископ Евсевий Памфил. Как и его антиохийский предшественник, для основания расчетов своей «Хроники» Евсевий использовал письменные источники. Первым из них был Ветхий Завет, откуда Евсевий брал сведения о продолжительности жизни библейских героев; в этой части своих расчетов кессарийский епископ определил дату, которую он считал первой достоверной датой ветхозаветной истории (год рождения родоначальника «богоизбранного народа» Авраама – 2016 г. до н.э.) и от которой вел дальнейшие расчеты. Далее Евсевий рассчитывал хронологию Священной истории, полагаясь не только на Библию, но и на сведения античных авторов; в частности, он использовал какой-то «Канон» (хронологическую таблицу) греческого писателя I в. до н.э. Кастора Родосского, где в годах олимпийской эры датировались события истории всего древнего мира. В конечном итоге Рождество Христово у Евсевия выпало на 2015-й год после Авраама, или на 2 г. до н.э. Таким образом, расчеты «Хроники» поразительно совпали с результатами «Хронографии» Юлия Африканского; впрочем, возможно это объяснялось тем, что хронологию последних веков перед рождением Иисуса Христа и Юлий, и Евсевий заимствовали из схожих источников.

Авторитет этих двух компутистов влиял и на позднейшие представления о времени Рождества. Так, знаменитейший писатель конца IV – начала V в. Иероним, создатель латинского перевода Библии, целиком принял хронологическую схему Евсевия (поэтому она и зафиксировалась в католической Библии). Но в Египте на границе IV и V столетий появилось новое поколение компутистов, которые взялись за уточнение расчетов Секста Юлия Африканского.

Александрийский монах Панодор, используя «Хронографию», решил скорректировать расчеты Юлия по методу Евсевия, т.е. с помощью хронологических показаний Ветхого Завета. В результате совмещения этих двух линий расчетов Панодор выяснил, во-первых, что между Сотворением Мира и Рождеством

прошло не 5500 лет, а 5493 года, а само Рождество было двумя годами позже по сравнению с датой Юлия и Евсевия. Таким образом, александрийский монах отнес Рождество к тому самому году, который и мы считаем первым годом своей эры. Более чем на сто лет он предвосхитил создание нашего летосчисления.

Современник Панодора и тоже александрийский монах Анниан произвел соединение расчетов Юлия Африканского и Панодора: за год Сотворения Мира он принял год из расчетов своего земляка (5493 г. до н.э.), а интервал лет между Мирозданием и Рождеством позаимствовал у Юлия (5500 лет). Соединение этих двух дат переместило Рождество на 8 г. н.э. Версия Анниана совершенно случайно стала соответствовать показаниям Евангелия от Луки.

В последующие столетия разыскания в области хронологии Священной истории продолжались, однако порядок расчетов претерпел существенные изменения. К тому моменту уже была создана наша эра, т.е. определен «точный» год Рождества, поэтому большинство христианских компутистов, начиная с VI–VII вв., уже не интересовались проблемой датировки Рождества, но старались соотнести с этой «опорной» точкой церковной хронологии все прочие события всемирной истории. В тех случаях, когда появлялись все же хронологические разработки по рождественской проблеме, они имели не исследовательский, а, скорее, богословский характер и порой приобретали курьезный вид.

Как видно, и раннехристианская литературная традиция не выработала каких-то единых представлений о времени Рождества; можно лишь отметить, что с течением времени отмечалась тенденция постепенного приближения к той дате, которую ныне мы принимаем за исходный момент нашего летосчисления. Можно согласиться с тем выводом, который еще в начале нашего века высказал известный историк церкви, профессор Санкт-Петербургской духовной Академии В.В. Болотов: «Научно год рождения Христа установить совершенно невозможно. Нельзя представить в пользу той или иной даты Рождества Христова та-

ких доказательств, которые могли бы выдержать пробу научной критики»⁹. Имеет ли такие доказательства наша эра?

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Популярное изложение литературной истории Евангелия см.: *Косидовский З.* Сказания евангелистов. М., 1979; *Свенцицкая И.С.* Раннее христианство: Страницы истории. М., 1987; *Гече Г.* Библейские истории. М., 1989; *Ренан Э.* Евангелия: Второе поколение христианства. Ярославль, 1991; и др.

²Эту малоизвестную нам сторону научной деятельности И. Кеплера подробно и интересно описал профессор церковной истории университета г. Грац Леопольд Шустер в своей книге «*Johann Kepler und die grossen kirchlichen Streiteragen seiner Zeit*», Graz, 1888.

³Это сочинение было переиздано Кристианом Фришем в «*Joannis Kepleri astronomi opera omnia*» (Bd.IV, S. 279–368), выходивших в том же Франкфурте в 1858–1871 гг.

⁴Так называется пояс из 12-и созвездий, в котором Солнце «путешествует» на протяжении года, последовательно закрывая их своим светом от земного наблюдателя. Небесный путь Солнца заметили еще древние египтяне, использовавшие его для определения числа (12) и продолжительности (30 дней) месяцев своего календаря. Позже древние вавилоняне и греки присвоили этим созвездиям названия животных.

⁵*Зелинский А.Н.* Конструктивные принципы древнерусского календаря // Контекст-1978: Литературно-теоретические исследования. М., 1978. С. 128–130.

⁶*Ideler L.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie: Aus den Quellen bearbeitet. Bd.I–II. Berlin, 1825–1826.

⁷Об этом см. подробнее: *Глубоковский Н.* Хронология Ветхого и Нового Завета. М., 1996. С. 61–87.

⁸Равноденствие постепенно смещается по дням календаря, потому что календарное время всегда расходится с истинным астрономическим временем (см. подробнее: *Климишин И.А.* Ка-

лендарь и хронология. М., 1985. С. 22–24, 54–58). На 25 марта юлианского календаря весеннее равноденствие приходилось в I в. до н.э., во времена Ипполита оно фактически уже наступало 23 марта (но Ипполит и большинство его современников об этом не знали и по-прежнему относили равноденствие к 25 марта!), а в наше время – 8 марта (21 марта по современному григорианскому календарю). Точно также изменялась и календарная приуроченность дня зимнего солнцестояния: 25, 23 и 9(22) декабря.

⁹Цит. по: Алмазов С.Ф., Питерский П.Я. Зачем церкви календарь. М., 1963. С. 62.

ГЛАВА 2. СОЗДАНИЕ НАШЕЙ ЭРЫ

Рассматривая появление различных версий о времени Рождества Христова, мы достигли XVII в. и оставили далеко позади самое интересное для нас событие. Теперь нам надо вернуться от времен И. Кеплера на 1000 лет назад и познакомиться с историей появления нашей эры. Можем ли мы сказать, что употребляемый нами счет лет ориентирован на самую точную дату рождения Иисуса Христа? Можно ли утверждать, что начальный год нашего летосчисления каким-то образом примиряет хронологические противоречия евангелистов? Наконец, можем ли мы признать, что наша эра превосходит своей точностью многочисленные построения, уже знакомые нам по предыдущей главе? – ответ на все эти вопросы мы сможем получить, выясняя обстоятельства возникновения, распространения и изменения нашего летосчисления.

Загадки Дионисия Малого

История благодарно сохранила нам имя создателя нашего летосчисления, но мы сами проявляем большую несправедливость, забыв отметить это имя в названии эры. Какая-то странная закономерность отмечается в отношении самых известных времяисчислительных систем: имена их настоящих создателей, та-

лантливых математиков и астрономов, человечество забывает, а их творения приписываются совсем другим людям. Например, наш нынешний календарь, употребляемый почти во всем мире, называется «григорианским» по имени римского папы Григория XIII, объявившего этот календарь в XVI в. обязательным для всех католиков, но истинным его автором был итальянский математик и врач Луиджи Лилио. В России григорианский календарь стал применяться только с 1918 г., а до этого русские люди считали дни по «юлианскому» календарю, совершенно забыв о том, что он был создан не Юлием Цезарем, а его современником, выдающимся древнеегипетским астрономом Созигеном в 46 г. до н.э. Так же случилось и с той системой летосчисления, которую мы называем «эрой от Рождества Христова», или «нашей эрой», но справедливей было бы именовать ее «эрой Дионисия», потому что именно так звали ее создателя.

Этот Дионисий жил в первой половине VI в. в Риме и, кроме того, что был монахом и служил в должности архивариуса-секретаря у римского папы Иоанна I. Свои сочинения папский секретарь подписывал не только именем, но еще и прозвищем «Eхiguus» (Малый), наверняка подразумевая под этим не свой рост, а, как это было принято у христианских сочинителей, свое смиренное ничтожество в сравнении со знаменитыми первописателями христианства. Сохранились только три небольших сочинения Дионисия, по которым весьма трудно охарактеризовать его и как писателя, и как человека, но в одном из них он случайно выдал нам любопытнейшую деталь своей биографии: он назвал себя «скифом» по происхождению. К VI в., т.е. ко времени Дионисия, прошла тысяча лет с тех пор, как в Северном Причерноморье обитали скифы, но даже после исчезновения этого народа греческие и латинские писатели продолжали по привычке называть этот район «Скифией», а его разноплеменное население (в том числе и славянское) – «скифами». Таким образом, не исключено, что создатель нашей эры был славянином и, следовательно, нашим непосредственным предком.

Нам интересно одно из сочинений Дионисия, которое не имеет авторского заглавия и условно называется сейчас «Пасхальная таблица». Его напечатал в XIX в. в 67-м томе латинской серии своего фундаментального издания «*Patrologiae cursus completus*» знаменитый французский издатель аббат Жак-Поль Минь. Именно в этом сочинении Дионисий и применил впервые ту эру, которую сейчас использует все человечество.

Дату и обстоятельства появления этого сочинения сам Дионисий описал в кратком авторском комментарии к таблице: в год консульства в Риме Проба Младшего (525 г.) папа Иоанн I приказал своему архивариусу составить новые пасхальные таблицы. Задание было весьма ответственным: в эти таблицы христианские священнослужители заглядывали ежегодно, чтобы узнать из них на какой день календаря будет приходиться в каждом очередном году главнейший христианский праздник Пасха. Знать эту дату заранее надо было потому, что от нее высчитывался весь годичный цикл передвижных религиозных праздников и церковных служб. Обратим внимание на то, что папа не ставил перед Дионисием задачу разработки нового летосчисления, оно появилось как «побочный продукт» пасхальных расчетов; учет этого обстоятельства поможет нам в дальнейшем понять особенности и ошибки эры Дионисия, а также причины ее популярности.

В римской церкви уже на протяжении многих лет пользовались пасхальными таблицами, составленными еще в V в. александрийским патриархом Кириллом. Эти таблицы были очень популярными в христианском мире и многократно переписывались для своих практических нужд как восточными христианами, так и западными. Состояли они из нескольких вертикальных колонок, в крайней левой колонке Кирилл проставлял номера лет в последовательном порядке, а в остальных – соответствующие этим годам вспомогательные элементы расчета Пасхи и саму пасхальную дату. Понятное дело, что Кирилл нумеровал годы не по эре от Рождества Христова, появившейся только через сто лет после его таблиц, а по той эре, которую в V в. чаще всего применяли в своем летосчислении христиане Северной Африки, среди

которых жил и трудился александрийский патриарх. Эта эра была названа в честь давно умершего римского императора III в. Диоклетиана и вела отсчет лет от начала его правления. Вероятно, ее придумал кто-то из сподвижников Диоклетиана, а потом ее приняли и египетские христиане. Для них, как и для всех подданных Римской империи, Диоклетиан был заметной личностью. Во-первых, он правил долго, чем отличался от своих предшественников, с калейдоскопической быстротой сменявших друг друга на престоле и, чаще всего, не по своей воле. Во-вторых, — редкий случай в истории человечества! — он добровольно отказался от власти и доживал свой век, как бы мы сказали, «на пенсии». В третьих, при нем на всей территории империи христиане подвергались жесточайшим преследованиям, и поэтому память о временах его правления приобретала для всех христиан глубокий трагический смысл; не случайно же, некоторые христианские писатели называли Диоклетиановское летосчисление «эрой мучеников».

Диоклетиан был провозглашен императором 20 ноября 284 г., но египетские христиане начали вести счет лет не от этого дня, а от 29 августа 284 г., потому что у египтян давно уже этот день считался днем наступления нового года. Таким образом, мы можем сказать, что первый год эры Диоклетиана, по нашим счетным представлениям, начинался 29 августа 284 г. и заканчивался 28 августа следующего 285 г., второй год эры Диоклетиана начинался 29 августа 285 г. и заканчивался 28 августа 286 г. и т.д. Кирилл начал свои пасхальные таблицы от 153 года эры Диоклетиана, т.е. от 29 августа 473 г. нашего летосчисления и завершил их 247-м годом эры Диоклетиана, который, по нашему счету, заканчивался 28 августа 531 г. Теперь нам ясно, почему в 525 г. папа Иоанн I поручил Дионисию составить новые пасхальные таблицы: до окончания кирилловских таблиц оставалось всего шесть лет.

Не мудрствуя лукаво, Дионисий Малый решил просто-напросто продолжить таблицы Кирилла. Это ясно уже из того, что он тщательно переписал окончание александрийских таблиц

до последнего года включительно (247 г. эры Диоклетиана). Здесь Дионисий действовал как копировщик, не проявляя никакого творчества. Но продолжение получилось у него очень необычное. По идее, он должен был вслед за 247 годом эры Диоклетиана записать 248 год той же эры (29 августа 531 г. – 28 августа 532 г.) и рассчитать для него дату Пасхи, но вместо этого года он вписал «532 anno ab incarnatione Domini» (532 год от Воплощения Господа). Следующим годом в таблице Дионисия представлен 533 г. от Воплощения, затем 534-й, и так далее до самого конца, до 626 г. Иногда, правда, Дионисий использовал иные варианты названия этих лет («anno Domini» – год Господа, «anno dominicae» – год господний), но нам ясно, что в продолжении пасхальных таблиц Кирилла римский архивариус стал применять счет лет по новой, никому еще не известной эре, принимающей за начало отсчета появление Сына Божьего в человеческой плоти.

Здесь у нас появляются несколько вопросов. Вероятно, можно понять, почему Дионисий отказался от эры Диоклетиана и стал вести счет по эре Христа; христианам все же пригляднее поминать в летосчислении своего Господа, нежели своего гонителя (примерно так и мотивировал свой выбор сам Дионисий в кратком послесловии к таблице). Но каким образом римский пасхалист определил, что 532 г. от Рождества следует за 247-м годом эры Диоклетиана (точнее, следует за ним только частично, так как с 1 января по 28 августа эти годы совпадают) и совпадает с ее 248-м годом (с 29 августа по 31 декабря)? Вообще-то ясно, что хронолог-«скиф» сначала установил, что год Воплощения Христа был на 283 года и почти 8 месяцев раньше воцарения Диоклетиана и затем уже совместил все остальные годы этих двух эр, но как же он установил год Воплощения?

К сожалению, об этом Дионисий Малый в своем пасхальном сочинении не написал ни слова, оставив нас в неведении по поводу своих хронологических расчетов. Мы можем только догадываться о том, какие времяисчислительные соображения были положены в основу создания нашей эры. К настоящему времени известны несколько попыток различных ученых восстановить

ход размышлений и расчетов создателя нашей эры, причем они во многом противоречат друг другу. Самой убедительной признается реконструкция расчетов Дионисия Малого, предложенная в начале XX в. немецким математиком и астрономом Карлом-Фридрихом Гинцелем¹. Его версия выглядит правдоподобной в первую очередь потому, что она учитывает главную цель работы Дионисия; мы о ней уже говорили – составление пасхальных таблиц. Но прежде, чем излагать реконструкцию К.-Ф. Гинцеля, мы должны хотя бы кратко познакомиться с тем, по каким правилам во времена Дионисия Малого определялась дата христианской Пасхи; без этого мы не сможем понять механизм появления нашей эры.

Христианская Пасхалия

В 325 г. в г. Никея, располагавшемся в азиатских владениях Рима, на Первом Вселенском Соборе христианская церковь утвердила общие для всех верующих хронологические правила празднования Пасхи. К этому единству христиане шли долгим и непростым путем, преодолевая противоречия местных праздничных ритуалов и амбиции отдельных церковных руководителей. Всеобщий компромисс в вопросе о календарных сроках самого главного праздника был нужен христианам как символ окончательного становления их религии, как свидетельство полного разрыва с породившим ее иудаизмом, как закрепление идеологической и политической победы христианства в Римской империи.

Календарно-астрономические правила пасхального празднования, установленные Никейским собором по образцу александрийской церкви, не потеряли своей силы и в наше время. Они сводятся к четырем пунктам:

1. Христианская Пасха никогда не должна была праздноваться в один день с еврейской Пасхой, точнее, в первый ее день, так как еврейская Пасха празднуется неделю. Кроме принципиального идейного значения, это условие имело и глубокий календарный смысл: согласно евангельским рассказам, Воскресение

Иисуса Христа, в честь чего христиане и отмечают свой главный праздник, произошло после начала иудейского пасхального торжества в Иерусалиме. Впрочем, если соблюдались три следующих условия, тогда христианская Пасха всегда следовала за первым днем Пасхи еврейской.

2. Христианская Пасха всегда должна праздноваться после дня весеннего равноденствия². Это условие объясняется опять же стремлением христиан соблюсти евангельскую версию Воскресения. Дело в том, что еврейская Пасха, после которой воскрес Иисус, всегда праздновалась в первом весеннем месяце древнееврейского календаря (он назывался Нисан), который никогда не начинался раньше весеннего равноденствия: в древнееврейском календаре первый день месяца Нисан совпадал с новолунием, которое следует за днем весеннего равноденствия.

3. Христианская Пасха всегда должна праздноваться после того, как вслед за днем весеннего равноденствия на ночном небе появится полная Луна. Это условие отражало еврейскую календарно-пасхальную обрядность: первым днем еврейской Пасхи был день 14-го Нисана; и поскольку Нисан начинался с новолуния, то 14-й его день совпадал с полнолунием. Воскресение же Христово, как указывало Евангелие, случилось после первого дня еврейской Пасхи, значит, и после полнолуния.

4. Христианская Пасха, наконец, всегда должна праздноваться в воскресный день недели, причем, это должно быть первое воскресенье после того самого полнолуния, что наступает сразу же за весенним равноденствием (см. пункты 2 и 3). Именно так описывают день Воскресения евангелисты: это было первое вслед за началом еврейского пасхального празднества воскресенье.

После Никейского собора, хотя и не сразу, все христианские писатели, составлявшие таблицы с расписанием Пасхи, стали соблюдать эти четыре правила. Соблюдали их и александрийский патриарх Кирилл, и Дионисий Малый, соблюдаются они и в современных пасхальных расчетах. Сделать это, однако, не так

просто, особенно в том случае, когда составляется пасхальное расписание на много лет вперед.

Никаких сложностей не вызывает первый пункт решения Никейского собора: мы уже отмечали, что в случае выполнения трех последних он автоматически реализуется. Очень просто христианские пасхалисты могли определить и дату дня весеннего равноденствия и тем самым соблюсти второе условие: в эпоху Никейского собора равноденствие совпадало с днем 21 марта юлианского календаря (именно эта система стала официальным календарем христианской церкви), и поэтому это календарное число стали принимать за постоянную дату равноденствия³. Другими словами, пасхальная дата всегда должна была следовать за 21-м числом марта юлианского календаря.

Куда сложнее было выполнить третье никейское правило. Для этого надо было уметь определить на все последующие годы даты полнолуний, наступающих сразу же после 21 марта. Полнолуния, как и другие лунные фазы, не будут ежегодно приходиться на одни и те же числа юлианского календаря, потому что лунное время не совпадает с солнечным (юлианский календарь как раз был построен по правилам солнечного времяисчисления). Давайте предположим, что в каком-то году юлианского календаря полная Луна появилась ночью 22 марта. В следующий раз полный лунный диск покажется на ночном небе только 21 апреля, потому что все лунные фазы повторяются через 29,5 дней (период обращения Луны вокруг Земли, который называется «лунный месяц»). Зная величину лунного месяца, мы без труда вычислим, что затем полнолунные ночи наступят 20 мая, 19 июня, и т.д., а когда мы отсчитаем 12 лунных месяцев и дойдем в своих расчетах до марта следующего юлианского года, то выяснится, что полнолуние будет ночью 11 марта, т.е. на 11 дней раньше, чем в марта предыдущего года. Кстати, в пасхальных расчетах использовать дату полнолуния 11 марта в отличие от даты 22 марта уже нельзя, поскольку это полнолуние происходит раньше весеннего равноденствия; в этом случае, следует ориентироваться на следующее полнолуние 1 апреля (11 марта + 29,5

дней). По истечению еще одного года «мартовское» полнолуние с 11 марта передвинется еще на 11 дней, т.е. на день 28 февраля, а в пасхальных расчетах будет использоваться следующая за ним «полнолуная» дата - 29 марта. Проще говоря, каждый «лунный год» (12 месяцев $\times$ 29,5 дней = 354 дня) короче юлианского года (365 дней) на 11 суток, и это приводит к постоянному смещению всех лунных фаз, в том числе и фазы пасхального полнолуния, по числам юлианского календаря. Именно поэтому Пасха не закреплена в церковном календаре за каким-то постоянным днем, а «кочует» по календарным числам, т.е. является праздником «передвижным».

Казалось бы, практически сложно рассчитать даты пасхальных полнолуний на много лет вперед, но уже раннехристианские хронологи-пасхалисты научились это делать. Для этих целей они догадались применять открытие древнегреческого математика и астронома Метона (IV в. до н.э.), установившего, что через каждые 19 лет лунные фазы будут приходиться на те же самые дни солнечного календаря. Действительно, за эти 19 лет юлианский календарь насчитывает почти 6940 дней ($365,25 \text{ дней} \times 19 = 6939,75 \text{ дней}$), и за это же время проходит 235 лунных месяцев, содержащих такое же количество дней ($6940 \text{ дней} : 29,5 \text{ дней} = 235,25 \text{ лунных месяцев}$). Зная это математическое уравнение, достаточно было составить расписание юлианских дат лунных фаз для одного 19-летнего цикла, и такое расписание можно было использовать вечно. Этот цикл, позволяющий определять календарные числа пасхальных полнолуний, христианские компютисты назвали Золотым Числом.

Четвертое никейское правило требовало от пасхалистов определять дату ближайшего вслед за полнолунием воскресного дня. Сделать это, оказывается, тоже не так просто. Дело в том, что число дней в юлианских годах (365 в простых и 366 в високосных) не кратно числу 7 (величина недельного цикла) и поэтому календарные числа ежегодно перескакивают с одного дня недели на другой. Но уже древнейшие христианские пасхалисты заметили, что этот безостановочный круговорот календарных чи-

сел и недельных дней подчиняется строгой математической цикличности, которая определяется структурой юлианского календаря. Обыкновенный, т.е. невисокосный, юлианский год состоит из 365-ти суток, или из 52-х полных недель и еще одного дня (7 дней $\times$ 52 недели = 364 дня + 1 день = 365 дней). Давайте представим, что какой-то юлианский год начинался с понедельника; до конца этого года пройдут 52 полных недели (т.е. 52 раза пройдет полный семидневный цикл понедельник-воскресение) и последний, 365-й день года будет понедельником. Другими словами, каким днем недели начинается юлианский год, таким же днем недели он и заканчивается. В таком случае следующий год начнется вторником и закончится, естественно, тоже вторником, третий год начнется и закончится средой, и т.д., т.е. ежегодно в юлианском календаре происходит сдвигка месячных чисел по дням недели на одно значение. Если бы все годы были величиной в 365 дней, то через 7 лет произошло бы повторение в совмещении месячных чисел и дней недели, но високосные годы величиной в 366 дней, бывающие раз в четыре года, увеличивают цикличность этого повторения до 28-и лет. Уже в I в. н.э. народы, обитавшие в азиатских владениях Римской империи, догадались о том, что можно составить календарное расписание совмещения месячных чисел и дней недели для одной 28-летки, а затем уже использовать его вечно. Еще позже египетские христиане догадались применить 28-летний календарно-недельный цикл для определения даты пасхального воскресения: они составили расписание календарных чисел ближайших к пасхальным полнолуниям воскресных дней на 28 лет и стали применять его для всех последующих пасхальных расчетов. В христианской пасхальной хронологии 28-летний цикл юлианского календаря получил название Круга Солнца.

Итак, при помощи двух хронологических циклов (Золотого Числа и Круга Солнца) христианские пасхалисты могли рассчитывать даты своего главного праздника на много лет вперед, соблюдая при этом все правила Никейского собора. Эти же циклы использовал в своих пасхальных таблицах алек-

сандрийских патриарх Кирилл, эти же циклы стал использовать и Дионисий Малый для продолжения таблиц Кирилла. Именно эти циклы, по мнению К.-Ф. Гинцеля, и помогли римскому архивариусу создать новую эру летосчисления.

Расчеты Дионисия

Итак, давайте представим, как получив задание от своего патрона, Дионисий Малый раскрыл таблицы александрийского патриарха, которые заканчивались, как мы помним, 247-м годом эры Диоклетиана (29 августа 530 г. – 28 августа 531 г.). Поскольку считать годы от Рождества Христова Дионисий еще не умел, то в продолжении крилловских таблиц (вероятно, в черновом варианте продолжения) он стал использовать те же самые годы эры мучеников. Для следующего за 247-м годом таблиц Кирилла 248-го года (29 августа 531 г. – 29 августа 532 г.⁴) Дионисий высчитал номер Золотого Числа и определил по нему дату пасхального полнолуния, затем, высчитав Круг Солнца того же 248-го года, архивариус установил календарное число ближайшего после полнолуния воскресного дня и записал его как дату Пасхи этого года (11 апреля). Далее таким же способом он определил пасхальную дату для 249-го года эры Диоклетиана (27 марта 533 г.), затем – для 250-го года (16 апреля 534 г.) и т.д. Производя расчеты подобным образом, Дионисий постепенно добрался до 279-го года эры Диоклетиана (29 августа 562 г. – 28 августа 563 г.). Золотое Число и Круг Солнца этого года помогли ему рассчитать дату Пасхи, которая выпадала на 25 марта. И здесь римский компутист временно прервал свои пасхальные расчеты, потому что совсем другие хронологические соображения отвлекли его внимание от выполнения задания Иоанна I.

Камнем преткновения стала пасхальная дата 279-го года диоклетиановской эры – 25 марта. Для римского монаха-христианина, жившего в VI в., она не была обыкновенной очередной датой Пасхи и отличалась от всех других календарных вариантов этого передвижного праздника. Дело в том, что пас-

хальное празднование 25 марта совмещалось с другой важнейшей датой Священной истории – днем Благовещения Богородицы. Уже в первые века существования христианства верующие особо отмечали совмещение Пасхи и Благовещения в одном календарном числе и стали называть его Кириопасхой (Царской Пасхой). По мнению христиан, обитавших в северных провинциях Римской империи, Воскресение Христово, в честь которого и празднуется Пасха, произошло как раз 25 марта. Эта календарная версия имела глубокий символический смысл: «второе рождение», Воскресение Иисуса Христа из мертвых, относилось ко дню его Непорочного Зачатия, ставшего непосредственной причиной «первого рождения». Представления о «кириопасхальной» дате Воскресения были настолько устойчивыми, что сохранялись в некоторых христианских общинах даже после Никейского собора; сторонники этой точки зрения праздновали Пасху всегда 25 марта, не обращая внимания на то, был или нет этот день первым воскресеньем после полнолуния. Даже в самом Риме, где уже со II в. господствовал александрийский календарный порядок празднования Пасхи, ставший затем всеобщим, долгое время популярным было мнение о том, что Христос воскрес именно 25 марта. Судя по всему, это мнение разделял и Дионисий Малый; это ясно из того, что за начало всех годов от Воплощения Господа в своей пасхальной таблице он принимал день 25 марта, т.е. использовал так называемое благовещенское новогодие.

Итак, установив, что в 279-м году эры Диоклетиана все пасхально-хронологические элементы указывают на 25 марта, Дионисий вспомнил о старинной традиции связывать с этим календарным числом Воскресение Христово. Далее он вполне логично рассудил, что в том году, когда воскрес Христос, были те же самые номера Золотого Числа и Круга Солнца, что и в 279 г. эры мучеников. Рассуждая так, папский архивариус не мог не заинтересоваться вопросом: можно ли установить, на сколько лет раньше 279-го года эры Диоклетиана был год Воскресения? Вероятно, сразу же римский монах понял, что решение такого вопроса не представляет для него большого труда. Будучи опытным

пасхалистом, Дионисий наверняка знал о том, что уже в III – IV вв. его азиатские и египетские «коллеги» догадались о том, что полное повторение всех календарно-астрономических условий празднования Пасхи наступает через 532 года, потому что именно такое число лет получается при перемножении 19-летнего цикла Золотых Чисел и 28-летнего цикла Кругов Солнца. Этот 532-летний период раннехристианские пасхалисты назвали Великим Индиктионом. Зная об этом, Дионисий легко дагадался, что Воскресение Христово было в том году, который на 532 года предшествовал 279-у году эры Диоклетиана.

Римскому компутисту осталось только отсчитать от 279 г. эры Диоклетиана (29 августа 562 г. – 28 августа 563 г.) назад, в прошлое, 532 года и установить, что Христос был распят и воскрес на 253 года раньше начала правления императора Диоклетиана (284 г.), т.е. в «благовещенском году», который начинался 25 марта 30 г. и заканчивался 24 марта 31 г. Зная год Воскресения, Дионисий мог установить затем и год Рождества. В раннем средневековье распространенным было мнение о 30-летнем возрасте Христа в год его смерти (привычная нам цифра 33 года стала общепринятой с XVI в.). Основанием для такого вывода была уже известная нам фраза евангелиста Луки, переводимая с древнегреческого языка так: «*Иисус, начиная свое служение, был лет тридцати*» (Лука, 3.23), но которую можно понять в том смысле, что к моменту своего крещения Иисусу еще не исполнилось 30 лет. Удревнив дату Воскресения еще на 30 лет, Дионисий Малый получил, наконец, год Рождества Христова (25 марта 1 г. до н.э. – 24 марта 1 г. н.э.), в котором день 25 декабря 1 г. до н.э. и был днем рождения Сына Божьего. Этот год римский пасхалист и объявил годом Воплощения Христова и принял за начальную точку отсчета тех лет, что учитывались им в продолжении александрийских пасхальных таблиц. Это продолжение Дионисий довел до 626-го года от Воплощения Господа (25 марта 625 г. – 24 марта 626 г.).

Повторяем, что весь изложенный здесь порядок расчетов Дионисия является гипотетической реконструкцией К.-Ф. Гинце-

ля: которая убедительна потому, что учитывает целевую установку папского архивариуса на составление календарного расписания Пасхи. Есть и другие версии: причем одна из них весьма просто объясняет выбор Дионисием именно такого, а не какого-то другого года Рождества: римский пасхалист VI в. был, якобы, знаком с расчетами Панодора (конец IV в.), который, как мы помним (см. главу 1), отнес Рождество также к 25 декабря 1 г. до н.э.⁵; остается неясным только, зачем тогда Дионисию понадобилось привлекать для пасхальных расчетов хронологию Панодора. Так или иначе, но в 525 г. в Риме появилась та самая летосчислительная система, которую мы называем сейчас «нашей» и согласно которой вскоре истечет 2000-й год от Рождества Христова.

«Триумфальное шествие» эры Дионисия

В послесловии к своей пасхальной таблице Дионисий Малый призвал всех единоверцев перейти на счет лет созданной им эры, однако этот эмоциональный призыв поначалу не достиг цели. На протяжении двух столетий эра Дионисия использовалась только в пасхальных таблицах, к тому же не во всех, а только в тех, которые переписывались с таблиц Дионисия. Может быть, настороженное отношение гражданских и церковных властей к летоисчислительному новшеству Дионисия объяснялось тем, что год Воплощения этой эры не совпадал ни с одним из евангельских показаний: так, с одной стороны, Христос родился, по версии Дионисия, на четвертый год после смерти Ирода и, с другой, как минимум, за шесть лет до проведения римской переписи в Иудее. От VI – VII вв. до нас дошли только единичные примеры употребления эры Дионисия за страницами пасхальных таблиц. Так, годы от Воплощения Христа употребляли в своих сочинениях остготский писатель Марк Аврелий Кассиодор и в некоторых своих документах римский папа Бонифаций IV.

Пасхальная «окраска» расчетов Дионисия, до поры-до времени сдерживавшая широкое распространение новой эры, в VIII в. стала, однако, причиной быстрой ее популяризации. Глав-

ная заслуга пропаганды эры Дионисия принадлежала знаменитому англо-саксонскому монаху-писателю Бёде Достопочтенному (начало 70-х гг. VII в. – 735 г.). Его перу принадлежало сочинение «De sex aetibus mundi» («О шести возрастах мира»), на страницах которого он настойчиво доказывал преимущества дионисиева летосчисления перед всеми другими системами счета лет христианского мира. Вполне возможно, что рассуждения Беды постигла такая же участь, как и призывы Дионисия, но английский монах подкрепил их практическими действиями. Он переписал и продолжил до 1063 г. пасхальные таблицы Дионисия и при этом внес в структуру расчетов предшественника одно существенное новшество, сделавшее их более понятными и доступными для жителей Западной Европы. Беда перенес начало дионисиевых лет с 25 марта на 1 января, тем самым прочно соединив эру от Рождества Христова с январскими годами юлианского календаря, к которым давно уже привыкли западноевропейские подданные Римской империи и служители западнохристианской церкви. Именно поэтому пасхальные таблицы Беды стали практически «вечными» для западных христиан, в католическом мире они применялись, конечно с продолжениями, до конца XVI в. Кроме того, их популярность привела к принципиальному изменению в общественном восприятии эры Дионисия.

Так, уже с 783 г. она становится государственным счетом огромной франкской державы Карла Великого, только что провозгласившего себя императором; после распада этого государства эра Дионисия продолжала употребляться в его отдельных районах. Во второй половине X в. римский папа Иоанн XIII переводит на эту эру все делопроизводство папской курии. Римские первосвященники установили даже обычай празднования «юбилеев Рождества Христова»; впервые это помпезное празднество устроил в Риме в 1300 г. папа Бонифаций VIII, затем его примеру последовал в Авиньоне в 1350 г. Климент VI и т.д. Наконец, при римском папе Евгении IV (1431 – 1447 гг.) эра Дионисия стала обязательной для стран, где было принято католическое вероисповедание. Одновременно с этим все католические

богословы истинным годом Рождества стали считать именно тот год, к которому отнесли это событие Дионисий Малый и Беда Достопочтенный.

Восточнохристианская церковь игнорировала новую эру и в момент ее появления, и в последующие столетия. Кроме принципиального нежелания следовать западным образцам, главными аргументами против эры Дионисия иерархи и богословы восточной церкви называли ее неточность в определении истинного года Рождества в сравнении с евангельскими показаниями, а также возникающие с ее применением неудобства в пасхальных расчетах⁶. Впрочем, не исключено, что в создании той эры, которую применяли для расчетов Пасхи православные священники (так называемая константинопольская эра), использовались некоторые элементы расчетов Дионисия (см. главу 3).

Официальное летосчисление, каковым и стала во многих странах эра Дионисия к XV в., не всегда признавалось народом и становилось массовым. Так, например, было в Древней Греции и в Древнем Риме, где государственные власти вели один способ учета лет, а писатели, ученые и просто народье считали годы совсем иначе. Такое же могло произойти и с эрой Дионисия: принятая католическими священниками и монархами, она могла быть непризнанной простым народом и рано или поздно оказалась бы забытой. Такой сценарий истории нашей эры был вероятен тем более, что в XVI в. в Западной Европе началось движение Реформации, охватившее различные слои общества и отвергавшее многие элементы католической идеологии и культуры. В таком случае, эра Дионисия никогда бы не стала элементом общечеловеческой цивилизации и мы никогда бы не называли ее «нашей». Этого, однако, не случилось; более того, в Новое время эра от Рождества Христова значительно расширила географическую и социальную зону своего распространения. Главная заслуга в ее популяризации принадлежала представителям самой благородной и самой значимой для человечества науки истории.

Средневековые ученые, занимавшиеся изучением истории, постепенно осознавали необходимость принятия для своей

науки универсального летосчисления, на годы которого можно было бы пересчитывать годы всех древних эр. Действительно, как проще всего определить: какое из событий было раньше – произошедшее в 892-м году от основания Рима; случившееся в 3-м году 92-й Олимпиады или событие 12-го года эры Диоклетиана? Как проще всего выяснить, противоречат или нет друг другу два старинных источника, если один из них датирует какое-то событие 30-м годом после правления в Риме последнего консула Флавия Базилия Юниора, а другой – 6012-м годом эры Секста Юлия Африканского? Удобнее всего пересчитать все эти даты на годы какой-то одной эры, которая, как своеобразная линейка, расставит древние события в соответствующие им ячейки времени. Не имея такой «линейки», историки вынуждены были пускаться в сложные и громоздкие расчеты по согласованию в первую очередь исходных точек отсчета всех древних эр и затем по синхронизации всех их годов.

Первую попытку применить универсальное летосчисление предпринял известный французский ученый-гуманист, профессор Лейденского университета Жозеф-Жюст Скалигер (1540–1609 гг.). Страстно увлекавшийся античной историей Ж.-Ж. Скалигер пришел к твердому выводу о том, что разобраться в хитросплетениях древнегреческой и древнеримской хронологии возможно лишь путем унификации всех старинных времяисчислительных систем. Для этой цели он разработал свою эру, так называемый период Скалигера. За начальный год отсчета этой универсальной времяисчислительной «линейки» Ж.-Ж. Скалигер выбрал 4713 г. до н.э., потому что в этой точке «сходились» начала трех главнейших церковно-хронологических циклов – 19-летнего цикла Золотых Чисел, 28-летнего цикла Кругов Солнца и 15-летнего цикла индиктов⁷. От 1 января этого года Ж.-Ж. Скалигер стал вести непрерывный отсчет дней, переключая на эту шкалу даты всех событий античной истории. Сочинения французского ученого принесли ему славу основоположника научной исторической хронологии⁸.

Однако разработки Ж.-Ж. Скалигера не выполняли еще полностью стоявшую перед историками задачу. Во-первых, созданная им универсальная времяисчислительная «линейка» имела только «миллиметровые» (дневные) деления и не объединяла их в более крупные «сантиметровые» единицы (годы), что создавало трудности с пересчетом тех древних событий, которые в источниках датировались только годами без указания дневных дат. Во-вторых, историков не устраивало и ограничение исходной точки отсчета пятым тысячелетием до Рождества Христова, поскольку в «период Скалигера» не попадали все более древние события. Завершил создание универсального научно-исторического летоисчисления французский монах-иезуит Дэнис (Дионисий) Петавий (1583–1652 гг.), выпустивший в 1627 г. сочинение «*Opus de doctrina temporum*» («Опыт теории времени»). В качестве «сквозной» для всех периодов истории человечества хронологической шкалы он предложил использовать изобретение своего предшественника-тезки Дионисия Малого в модификации Беды Достопочтенного, т.е. январские годы эры от Рождества Христова. Чтобы соединить эру Дионисия с «дорожественской» историей человечества, Д. Петавий стал использовать годы *ante Deum* (до Господа), ведя их отсчет от Рождества в обратную сторону. По этой схеме предварительного (пролептического) счета выходило, что родился Христос 25 декабря 1 г. *ante Deum* (начало этого года, 1 января, действительно было еще до Рождества), предыдущим годом был 2 г. до Рождества, еще раньше – 3 г. до Рождества и т.д. Эра Дионисия, таким образом, получала «зеркальное отражение» во времени, предшествовавшему появлению Иисуса на Земле. Именно Д. Петавий в начале XVII в. придал «нашей эре» тот самый вид, который она имеет и ныне.

По воле монаха иезуитского ордена в нашу эру закралась одна существенная математическая ошибка, последствия которой проявляются и сейчас. Это – отсутствие «нулевого» года на границе «дохристианской» и «христианской» истории, т.е. между 1 г. до н.э. и 1 г. н.э. Поскольку началось наше летосчисление не с «нулевого»: а с первого года, то и третье его тысячелетие начнет-

ся не с 2000-го, а с 2001-го года. Кстати, современные астрономы при расчетах различных небесных явлений и циклов учитывают этот «нулевой» год.

Идеи Ж.-Ж. Скалигера и Д. Петавия быстро распространились в европейских научных кругах и уже в XVII столетии активно начала создаваться новая, основанная на христовой эре, хронология человеческой истории. Переход к универсальному летосчислению явился важнейшим моментом в развитии исторической науки: историки открыли путь к установлению причинно-следственных связей между событиями и, следовательно, к познанию закономерностей развития человеческого общества. Но еще большее влияние этот переход оказал на общественное сознание: научившись представлять свою историю в виде безостановочной череды лет эры Дионисия человечество, наконец-то, восприняло ее как один из неотъемлемых элементов своей культуры. Этим и объясняется феномен эры Дионисия: появившись в процессе хронологических расчетов христианской Пасхи, эта система времяисчисления перешагнула географические, этнические и конфессиональные границы и стала достоянием общечеловеческой цивилизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹*Ginzel K.-F.* Handbuch der mathematischen und technischen Chronologie: Das Zeitrechnungswesen der Völker. Bd.III. Leipzig, 1914. S. 271–275.

²Так называется день, в котором световая и ночная части суток равняются 12 часам. Во время годичного обращения Земли вокруг Солнца день и ночь уравниваются только дважды – весной (по современному календарю 21 марта) и осенью (22 сентября).

³На самом же деле, математическая неточность юлианского календаря приводила к тому, что через каждые 128 лет равноденствие наступало раньше на одни сутки по сравнению с 21 марта. Во времена Кирилла Александрийского весеннее рав-

ноденствие фактически выпадало на день 20 марта, а во времена Дионисия Малого оно находилось уже на «полпути» к 19 марта. Однако и Кирилл, и Дионисий, и все другие пасхалисты до конца XVI в., строго следуя никейской традиции, принимали за день весеннего равноденствия 21 марта.

⁴Этот год эры Диоклетиана заканчивался не 28 августа, а 29 августа, так как он был високосным.

⁵*Krusch B. Studien zur christlich-mittelalterlichen Chronologie: Die Entstehung unserer heutigen Zeitrechnung: П. Dionysius Exiguus, der begründer der christlichen Ära. Berlin, 1938. S. 243–247; Климишин И.А. Календарь и хронология. М., 1985. С. 243–247.*

⁶Подробнее об этом см.: *Grumel V. Traité d'études byzantines. T.I: La chronologie. Paris, 1958. P.62.*

⁷Еще в Римской империи установилась традиция проводить оценку имущества и сбор налогов в провинциях один раз в 15 лет, поэтому местное население привыкло считать годы 15-летними периодами (индиктионами, от латинского *indictio* – публичное провозглашение результатов фискальной переписи), состоящими из годов-индиктов. Затем индиктионный счет стал применяться в римском государственном делопроизводстве, а на Никейском соборе христианская церковь решила сделать его дополнительным элементом своего летосчисления.

⁸*Scaliger J.-J. Opus de emendatione temporum. Lugudunum Batavorum, 1598; idem. Thesaurus temporum. Ibid., 1606.*

ГЛАВА 3. РУССКОЕ ЛЕТОСЧИСЛЕНИЕ И ЭРА ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Нам осталось только узнать о том, какова была история этой эры в нашей стране, когда и какими путями она проникла в наш повседневный быт и стала для нас в настоящем смысле слова «нашей эрой». Эта история была длительной и непростой, что заставляет нас рассмотреть все этапы развития отечественного

времяисчисления, начиная от глубокой древности и заканчивая современностью.

Летосчисление языческой Руси

Дохристианское русское времяисчисление до сих пор во многом остается загадкой, потому что от него сохранились только обрывочные детали, случайно попавшие на страницы письменных произведений христианской эпохи. Несомненно, однако, что в нем не находилось места летосчислению от Рождества Христова. Даже сам принцип исчисления лет у славян-язычников отличался от линейной схемы христианского счета, когда годы один за другим до бесконечности «нанизываются» на «стержень» начального события. Языческий же счет до конца X в. был относительным и прерывистым. Например, за начало отсчета могли принять вокняжение в Киеве или в другом городе какого-то князя, а после смены владетеля престола счет начинали заново. Эта «княжеская» форма летосчисления сохранилась даже в христианские времена и проявилась в обязательном почти для всех летописей составлении хронологических перечней, которые играли роль своеобразного оглавления, предшествующего или последующего основному летописному тексту. Вспомним, как начиналась основная часть одной из древнейших русских летописей, «Повести временных лет» (конец XI – начало XII в.): здесь излагался расчет времени от Адама до Христа, затем – до середины IX в., к которому летописец относил создание Русского государства, а далее приводились относительные сроки княжений в Киеве до начала XII в. (*«от первого года княжения Олега... до первого года княжения Игоря 31 год, а от первого года княжения Игоря до первого года Святославова 33 года»*)¹. Так же считал годы и живший в конце XI – начале XII в. древнерусский монах-писатель Иаков, написавший самую первую священную биографию крестителя Руси («Память и похвала князю Владимиру»); подражая дохристианской летосчислительной традиции, Иаков,

знакомый вроде бы с точными годичными датировками правления Владимира, намеренно переводил их в относительные даты («на другой год после крещения <Владимир> к порогам ходил, на третий – Корсунь город взял, на четвертый год церковь каменную святой Богородицы заложил» и т.д.)². Даже в начале XIII в. придворный летописец галицко-волынского князя Даниила Романовича датировал его деяния не точными годичными датами, а годами от начала его княжения³.

Городское население языческой Руси вело счет также и от начала или завершения строительства важных городских объектов (крепостные стены, мостовые, торговые ряды, святилища и пр.), память о чем дошла до христианской эпохи в форме летоисчисления от закладки или освящения церковных храмов. В той же «Повести временных лет» окончание строительства новой церкви в Киево-Печерском монастыре датировано не христианским номером года, а «на третий год» от ее основания⁴. В «Сказании» о первых русских святых Борисе и Глебе неизвестный нам автор начала XII в. отметил, что князь Святополк умер «на второй год после устройства церкви», носящей имена этих святых⁵. Новгородский летописец XV в., составляя сводку летописных известий об истории церковного строительства во Владимиро-Суздальской земле, подчеркнуто пренебрег летописной хронологией и пересчитал ее в относительную, причем, применил ее даже для пролептического счета: «Сын Всеволодов Мономах, правнук великого князя Владимира... создал первую церковь святого Спаса за 50 лет до создания <церкви> Богородицы. Потом... мономаховский сын Юрий Долгая Рука... поставил другую церковь каменную святого Георгия за 30 лет до создания Богородицы. Князь великий Андрей Юрьевич... сотворил тут многие церкви... и потом минуло 11 лет»⁶.

В качестве исходных ориентиров языческого счета могли использоваться и природные катаклизмы, поражавшие своей необычностью воображение древнерусских людей. Об этом опять же проговорился один из летописцев XI в., вероятно, житель Новгорода, описавший нам длившееся пять дней течение р. Вол-

хов вспять из оз. Ильмень в 1063 г., а затем пустившийся в такие рассуждения: «Знамение же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав [полоцкий князь. – С.Ц.] город»⁷. В письменных источниках мы можем найти также свидетельства о том, что жители дохристианской Руси вели счет лет от крупнейших военных битв, от трагических или радостных событий своей биографии или биографии выдающихся государственных деятелей, одним словом, от любого примечательного и чем-то необычного события.

Особо интересен новгородский способ летосчисления, также, вероятно, унаследованный от дохристианских времен и отражавший особенности хозяйственной жизни этого крупнейшего торгового города Руси. Уникальные археологические находки последних десятилетий, новгородские берестяные грамоты, убеждают нас в том, что жители Новгорода вели счет лет от заключения долговых обязательств. Так, к примеру, в одной из грамот, найденных археологами в городском слое XI в., заимодавец письменно напоминал нерасторопному должнику о том, что «идет уже девятый год» невозвращенного долга⁸. Поражает точность и протяженность этой «долговой» эры летосчисления: в наше время мы вряд ли помнили бы о точном числе лет невозвращенного долга и просто считали бы его старым долгом, но в представлении деловитых новгородцев эта точность была необходимой и оправданной. Можно предположить, что каждый средневековый новгородский купеческий дом представлял собой своеобразную «хронологическую лабораторию», где проводилась сложная счетная работа по синхронизации сразу нескольких таких летосчислительных эр, каждая из которых фиксировала неполученные или невыплаченные долги.

Итак, любое происшествие, нарушавшее привычный и размеренный ход средневековой жизни, могло стать для древнерусских людей событием эпохальным и достойным того, чтобы принять его за начальную точку летосчисления. Все эти события не были абстрактными, придуманными для какой-то отвлеченной цели, они брались из самой жизни и были тесно связаны с ее без-

остановочным ходом. Национальная языческая культура, судя по всему, не отличалась высоким уровнем развития астрономических знаний, поэтому первые древнерусские эры летосчисления создавались на «земной», а не «небесной» основе. Именно эта, если можно так сказать, приземленность древнерусского времяисчисления долго мешала проникновению на Русскую землю христианских способов счета, основанных на абстрактных понятиях и астрономических циклах, хотя уже издавна восточнославянское население общалось с жителями соседних христианских стран и не могло не обратить внимания на то, как они считают время. Конкретизированное сознание язычника, естественно, противилось усвоению смысла таких событий, как Сотворение Мира или рождение «Богочеловека», поскольку никто из русских людей не был их очевидцем и, следовательно, не мог включить их в ход «земного» времени, с помощью которого датировались только современные или недавно случившиеся события.

Это языческое представление о времени дошло до нас и в русских былинах. Вот как описывал «былинное» понимание времени В.Г. Мирзоев: «Это так называемое событийное время, исчисляемое не единицами времени, а происшествиями, событиями и фактами... Былины элиминируются даже от таких категорий первоначального исчисления времени, как зима, весна, лето, осень»⁹. Конечно же, в быту русских людей, в отличие от былин, учитывались времена года, но связь бытового времени с самыми разнообразными событиями текущей жизни показывает его общую с «былинным» счетом древнюю языческую основу.

Русские язычники долго не воспринимали христианское времяисчисление еще и потому, что привыкли вести счет годам в устной форме. Языческий счет времени был непродолжительным: от исходной точки насчитывали один-два десятка лет, после чего взамен устаревшему и полузабытому ориентиру подыскивали более современное событие и начинали вести от него новый отсчет. Постоянную смену летосчислительных эпох мы также можем обнаружить в памятниках древнерусской письменности, сохранивших эту деталь в качестве пережитка «дописьменных»

традиций. Например, уже знакомый нам биограф князя Владимира, монах Иаков, использовал в своем сочинении именно такую прерывистую схему счета лет: сначала он отсчитывал годы от крещения княгини Ольги, затем – от смерти князя Святослава и, наконец, от крещения Владимира Святославича. Понятно, что устная форма счета лет, ограниченная размерами памяти одного поколения людей, как раз и побуждала к постоянной смене старых счетных ориентиров на новые. Христианские же способы счета, накопившие не одну сотню и тысячу лет от давно прошедших событий, были чужды и непонятны русскому человеку.

Русское христианское летосчисление XI–XVII вв.

Тем не менее, с конца X в., когда христианство было объявлено государственной религией, на Русской земле начинают распространяться новые способы летосчисления. Инициатором этой «времяисчислительной реформы» стала церковь, потому что для нее хронологическая стандартизация была очень важной и необходимой. Все церковные службы были подчинены строгим летосчислительным и календарным правилам, которые должны были соблюдаться всеми без исключения верующими. Великий пост, например, все христиане должны были исполнять в одни и те же сроки, в один и тот же день все они, как жители северного Новгорода, так и жившие на юге Руси киевляне, должны были праздновать Пасху, в одни и те же сроки исполнять и все другие предписанные посты и праздновать все положенные праздники. Именно поэтому многие церковно-служебные книги имеют форму своеобразного календаря, в который вписаны имена святых, службы, гимны, правила и т.д.

Как мы знаем, на Русь пришло христианство восточного, точнее, византийского образца, а сама русская церковь до конца XVI в. организационно подчинялась константинопольскому патриарху, который считался вселенским главой всех православных христиан. Восточнохристианский мир, как мы помним, отказался использовать эру Дионисия и продолжал придерживаться счета

лет от Сотворения Мира. Именно по этому в русской церкви, принявшей константинопольские правила счета времени, а затем в широких массах русского народа наибольшее распространение получила та эра, которая была официальной в счете Константинопольской патриархии. Она разделяла Сотворение Мира и Рождество интервалом в 5509 лет. Чтобы отличить ее от других восточнохристианских систем счета, историки называют ее «константинопольской эрой».

В самой Византии она стала применяться с VI в. К сожалению, мы не знаем имени ее создателя, но должны признать его незаурядные хронологическо-математические способности, которые он проявил в выборе именно такого, а не какого-то другого отрезка времени между Сотворением и Рождеством. Мало того, что эта цифра – 5509 лет – была близка библейским представлениям (вспомним пропорцию «один день, как тысяча лет» и цифру 5500 лет), она еще и позволяла упростить пасхальные расчеты, которые византийские христиане производили по тем же самым хронологическим циклам, что и Кирилл Александрийский, Дионисий Малый и другие пасхалисты (28-летний цикл Кругов Солнца и 19-летний цикл Золотых Чисел). Неизвестный нам византийский хронолог VI в. с необычайной прозорливостью заметил, что 5509-й год до Рождества Христова совпадал с началом одного из Кругов Солнца, и поэтому для каждого года константинопольской эры очень просто можно было определить номер его Круга Солнца: достаточно было годовое число разделить на 28, – и остаток покажет Круг Солнца данного года. При этом, правда, византийский компютист не мог не заметить, что первый год константинопольской эры имеет не первый, а третий номер Золотого Числа, что не позволяло высчитывать этот пасхальный элемент также просто, как и Круги Солнца. Выход из такого неудобства он нашел в том, что перенес начало отсчета 19-летних пасхальных циклов на тот же самый 5509 год до Рождества Христова, тем самым доводя до механической простоты технологию пасхальных расчетов; этот новый вариант отсчета лунно-солнечных 19-леток был назван Кругом Луны.

Самым же любопытным для нас оказывается то, что год Рождества константинопольской эры совпадал с начальным годом эры Дионисия (поэтому константинопольские годы очень просто пересчитать на нашу эру: их номера надо уменьшать на 5509 лет в части сентябрь – декабрь и на 5508 лет в части январь – август). Может быть, это было простой случайностью, ненамеренным совпадением двух совершенно независимых хронологических расчетов, но не исключено, что создатель константинопольской эры, бывший современником Дионисия, имел возможность познакомиться с его пасхальным сочинением и приспособил к расчетам римского архивариуса свои математические выкладки (это, кстати, заставляет нас еще больше восхищаться математической предусмотрительностью византийца). Второе предположение вроде бы подтверждается тем, что в византийских пасхальных таблицах, составленных в IX в. Иоанном Пресвитером, рядом с константинопольскими годами были проставлены и годы от Рождества Христова.

Трудно сказать, в какой степени древнерусским компутистам были известны все тонкости константинопольского леточисления, но именно ему они и отдавали предпочтение. Так, несомненно, что в расчетах Пасхи и годового пасхального цикла передвижных праздников русская церковь неизменно применяла эту эру: ее использовал и новгородский монах-хронолог XII в. Кирик, сочинивший единственное уцелевшее древнерусское пасхальное сочинение («Учение о числах»), и создатели многочисленных рукописных пасхальных таблиц XIII–XVII вв., и составители современных церковных пасхальных календарей¹⁰. Эту же эру чаще всего применяли и русские летописцы; так, по нашим подсчетам, в «Повести временных лет» годами константинопольской эры датированы примерно 60% известий. В древнейшем московском летописании также употреблялась эта эра, а с XV в. мы обнаруживаем ее и в документах московского великокняжеского двора. Таким образом, церковная система счета лет превратилась в официально-государственную систему времяисчисления и была таковой до 1700 г.

Однако на Руси употреблялись и другие эры от Сотворения Мира. Как ни старалась церковная организация единообразить хронологическую служебную практику, сделать это ей не удалось. Произошло это потому, что на Руси получили хождение не только церковно-служебные книги константинопольского происхождения, но книги других восточнохристианских епархий. Их привозили иностранные купцы, священники-миссионеры, возвращавшиеся из путешествий паломники и др., а неопытные русские христиане принимали их за канонические образцы. Кроме того, в каждом русском городе константинопольский стандарт приспособлялся к местным времяисчислительным традициям, позаимствованным еще из языческих времен, и это тоже приводило к появлению хронологического разнообразия.

Многие русские компутисты использовали для счета лет эру, появившуюся еще в глубокой христианской древности и к X–XI вв. практически уже забытую во всех других восточнохристианских странах. Она ориентировалась на «классический» интервал времени между Сотворением и Рождеством – 5500 лет. Мы помним, что впервые эту эру стал употреблять в летосчислении антиохийский епископ Секст Юлий Африканский в III в., поэтому ее принято называть «антиохийской». Русских хронологов она прельщала, вероятно, округленностью числа лет между двумя важнейшими событиями священной истории, хотя, например, для пасхальных расчетов ее применять было нельзя, потому что начальный год этой эры (5500 г. до Рождества Христова) не согласовывался ни с 28-летним, ни с 19-летним циклом. В XVI–XVII вв. некоторые русские богословы даже стали называть антиохийскую эру «нашей» (!) и утверждать, что она точнее «греческого счета» (т.е. константинопольской эры). Так, например, неизвестный русский автор 30-х гг. XVI в. написал целый трактат о преимуществах «русского счета» над «греческим» и «латинским» (так он назвал, кстати, эру Дионисия), при этом представил его так: *«По нашему русскому счету от Создания Адамова до Воплощения Христова лет 5500»*¹¹. Прошло еще 120 лет, и Россию посетил единоведец из тех самых мест, где когда-

то возник «русский счет», антиохийский патриарх Макарий. Он был поражен не только величием и красотой русской церковной службы, но и тем, что местные богословы широко использовали уже забытый всем другим христианским миром счет в 5500 лет. Отметим, все же, что провозглашая превосходство антиохийской эры над всеми другими, наши священники, тем не менее, для нужд церковной службы неизменно продолжали использовать константинопольскую эру. Даже в наше время сохранилась память о имеющемся, якобы, превосходстве «русской» эры над «греческой»; так, по мнению диакона Андрея Кураева, истинное начало третьего тысячелетия от Рождества Христова наступило... 1 января 1993 г., потому что само Рождество было в 5500-м году от Сотворения Мира¹². Автор этого утверждения ошибочно посчитал 5500-й год относящимся к константинопольской эре, тогда как на самом деле 5500-й антиохийский год совпадал с 5509-м константинопольским годом; иначе говоря, во всех древнерусских эрах Рождество приходилось на один и тот же год, а вот время Сотворения Мира в них разнилось.

На Руси применялась также эра в 5505 лет между Сотворением Мира и Рождеством Христовым. Такой счет в IX–X вв. применяли некоторые византийские и болгарские писатели, поэтому его можно назвать «византийско-болгарским». Особенно популярным он был в Новгороде, где применялся с XI в. и до московского завоевания. Это прослеживается на примере новгородских летописей, датировки которых систематически отстают от дат всех других русских летописей на 3–4 года, что и соответствовало разнице между константинопольским (5509) и византийско-болгарским (5505) интервалом лет: например, летопись новгородского происхождения (Софийская первая) датирует начало постройки Новгородской церкви Благовещения св. Богородицы на Городище 6607 г. от Сотворения Мира¹³ ($6607 - 5505 = 1102$ г. по эре Дионисия), тогда как во всех других летописях это событие относится к 6611 г. ($6611 - 5509 = 1102$ г.). Даже в текстах печатных церковно-служебных книг XVIII–XIX вв. мы можем найти реликтовые следы византийско-болгарской эры, например,

в Следованной Псалтири: «В год 5505... месяца декабря в 25 день... родился Господь наш»¹⁴.

Вероятно, в русском летосчислении XI–XVII вв. использовались и какие-то другие схемы счета от Сотворения Мира, о которых мы пока еще ничего не знаем или знаем очень мало. Что касается эры Дионисия, то создается впечатление, что на протяжении многих столетий древнерусские компутисты вообще о ней не знали. В древнейшем памятнике отечественной письменности, в Изборнике киевского князя Святослава (1073 г.), мы находим, вроде бы, свидетельство особого интереса к определению времени Христова Рождества (тут помещались четыре статьи, описывающие различные варианты датировки этого события), но эра римского архивариуса здесь не упоминалась.

Первый случай ее применения фиксируется в торговом договоре Смоленска с Ригой, где содержится такая запись: «*Эта грамота написана, когда прошло от Рождества Господня до этого года 1000 лет, и 200 лет, и 8 лет, и 20*»¹⁵, т.е. грамота написана в 1229 г. Этот случай, однако, не показателен, поскольку русский текст договора представлял собой перевод с немецкого оригинала, откуда и были скопированы иностранные хронологические элементы. Самое же ранее и несомненно самостоятельное использование эры Дионисия относится уже ко второй половине XIII в. и связано опять со Смоленском, что не случайно; Смоленское княжество, расположенное на западе Русской земли, соседствовало с католическими странами, где уже широко применялся счет лет от Рождества. В двух грамотах смоленского великого князя Федора Ростиславовича, написанных в одном и том же году, мы встречаем такую дату: «*Эта же грамота была написана, когда прошло... от Рождества Господнего до этого года 1000 лет, и двести лет, и восемьдесят лет, и три года, а на четвертый год написана*»¹⁶. В XIV в. западное хронологическое влияние распространяется и на территорию Великого княжества Литовского, куда вошли земли Юго-Западной и Южной Руси. Так, к примеру, эра от Рождества Христова встречается в одной частной торговой грамоте 1351 г. из Галича, а в официальной грамоте

опольского князя Владислава проставлена такая дата: «*А дана грамота... по Божьем нарожденье тысяча лет, и триста лет, и семьдесят лет, и восьмой год*»¹⁷. Впрочем, как на Смоленщине, так и в литовско-русских землях еще долго в качестве главной системы времяисчисления продолжали использовать православные эры от Сотворения Мира: так, например, украинские священники даже в середине XVII в., т.е. накануне воссоединения с Россией, наряду с Христовой эрой, официально принятой в Польском королевстве, считали годы и по эре Мироздания.

Северо-Восточная же Русь очень поздно узнала эру Дионисия. Только в XVII в. в Московском государстве появляются первые письменные и печатные памятники, в датах которых рядом с привычными годами от Сотворения Мира присутствуют и годы от Рождества Христова. В каждом из этих немногочисленных случаев мы можем отметить только личный авторский интерес к неведомому летосчислению, но никак не широкое общественное внимание. Чаще всего это были книги, переведенные с западноевропейских языков, или книги, переписанные и напечатанные приехавшими в Россию иностранцами. К примеру, самое раннее использование эры Дионисия в московской книжности относится к эпохе Смутного времени, когда Москва была наполнена иностранцами, пришедшими сюда вместе с Лжедмитрием I. В некоторых случаях использование католической эры на страницах русских книг объясняется тем, что какой-либо местный писатель-«грамотей» решал поразить читателей своей образованностью и начитанностью: так, например, поступил московский переписчик очень старинной и популярной повести о Варлааме и Иоасафе, который датировал окончание своей работы над рукописью 7189 г. от Сотворения Мира и 1680 г. от Рождества Христова. Один не в меру грамотный переписчик пустился даже в согласование всех знакомых ему способов счета лет: «*В год 7131, а от Рождества Христова по гречески 1631, по латински 1623*»¹⁸, т.е. под «греческим» интервалом от Сотворения до Рождества он понимал цифру 5500 лет, а под «латинским» (!) – 5509 лет.

Повторяем, однако, что каждый такой случай был проявлением индивидуальной авторской любознательности и не свидетельствовал о широком распространении эры от Рождества Христова в России. Ни в одном государственном или церковном документе этого времени мы еще не найдем датировок по эре Дионисия. Официальная Москва, считавшая себя наследницей политических и религиозных традиций Византии, продолжала высокомерно игнорировать любые достижения западноевропейской богословской мысли.

Реформа Петра I

В августе 1698 г. после полуторагодичного отсутствия из Европы в Россию вернулся Петр I. Причиной, заставившей царя спешно покинуть Великое посольство, был очередной стрельечский бунт. Строптивых стрельцов, уже не первый раз пугавших государственную власть, ожидала страшная расправа. Занятый следствием, пытками и казнями, Петр, однако, не забывал об окончательно созревших за границей намерениях внедрять в русскую действительность европейскую культуру.

Время коренных реформ, однако, еще не наступило. Только после начала Северной войны и тяжелейших военных поражений в первых битвах со шведами стала понятной необходимость глубинных преобразований и в армии, и в государственном управлении, и в налоговой политике, и во взаимоотношениях государства с церковью, и т.д. Но уже тогда, в 1698–1699 гг., молодой и энергичный царь пробовал спешно привить на русской почве отдельные элементы европейской культуры. Многие из начального периода реформ может показаться сейчас поспешным, поверхностным и даже наивным. Конечно, можно было сбрить бороды всем московским боярам, переодеть их в европейские одежды и заставить танцевать заграничные танцы, но даже побритые и переодетые они продолжали еще оставаться обыкновенными русскими боярами, и нужно было еще много лет для того, чтобы превратить их в людей с не боярским, а европейским

мировоззрением и образом жизни. Но уже эти, если можно так сказать, «романтические реформы» Петра показали всем то направление, в котором молодой царь намеревался направить своей железной рукой развитие России. Подчеркнуто разъезжая по Москве в 1698 г. в кафтане, подаренном ему польским королем Августом, Петр демонстрировал своим подданным твердое намерение «переодеть» в новые «одежды» все подвластное ему государство.

Одним из обязательных моментов этого «переодевания» Петр I решил сделать реформу летосчисления. В этом намерении мы видим прямое влияние недавней заграничной поездки: во всех странах, где побывало Великое посольство, давно уже в официальном государственном летосчислении применялась эра от Рождества Христова. Современные историки считают, все же, что замысел этой реформы созрел у Петра не где-нибудь в другом месте, но именно в Голландии: «Мы обязаны Нидерландам своим старым флагом и своим новым календарем»¹⁹. Может быть, это мнение появилось потому, что остановка Петра в Голландии была самой длительной (он жил там с начала августа 1697 г. до середины мая 1698 г.). Вполне возможно, что на замысел Петра повлиял и полученный в голландском городе Заандаме «плотницкий диплом», удостоверявший приобретенную русским монархом плотницкую квалификацию; этот документ был датирован так: «15 января, в лето Господне 1698 год». «Голландский след» во времяисчислительной реформе историки усматривают еще и потому, что первые послереформенные российские календари были подготовлены по заказу Петра как раз голландцами. Тем не менее, одно соображение заставляет нас считать, что Петр при всем желании не мог в точности скопировать голландское времяисчисление, поскольку там давно уже применялся григорианский календарь; таким образом, каждый год эры от Рождества Христова в те времена в Голландии начинался на 10 дней раньше, чем в России (а с 1701 г. – уже на 11 дней). Правильней было бы тогда говорить об «английском» или «датском» хронологическом влиянии на русское летосчисление, поскольку в этих стра-

нах в конце XVII в. Христова эра применялась еще вместе с юлианским календарем, которым пользовались и русские. Впрочем, для нас с вами не так уж и важно, где именно Петр принял решение о летосчислительной реформе; куда важнее то, что он ее все-таки провел.

1 сентября 1699 г. царь принимал участие в церковных торжествах по случаю начала нового 7208 г. от Сотворения Мира. Окружавшие в тот день Петра люди вместе с ним слушали тропарь и кондак в честь индикта (так называется церковное сентябрьское новогодие), где, кстати, есть такие слова: *«В вышних живый, Христе Царю... иже дни и нощи, времена и лета сотворивый»*; знали ли они о том, что это было последнее в истории России государственное празднование начала сентябрьских лет от Сотворения Мира? Знал ли об этом тогда сам Петр или окончательное решение о реформе было принято им в тот момент, когда стал приближаться январь?

20 декабря 1699 г. на московских площадях и улицах под барабанный бой был зачитан именной царский указ «О праздновании Нового года». Приведем его содержание почти полностью; это поможет нам понять мотивировку и ошибки царя, а также представить ту обстановку, в которой русские люди впервые встречали новый год по эре от Рождества Христова:

«Великий Государь указал сказать: известно Ему, Великому Государю, не только что во многих европейских христианских странах, но и в народах славянских, которые с Восточною православною нашею церковью во всем согласны, как: волохи, молдавы, сербы, далматы, болгары и самые Его Великого Государя подданные черкасы и все греки, от которых вера наша православная принята, – все те народы согласно лета свои счисляют от Рождества Христова осмь дней спустя [т.е. с 1 января, через 8 дней после праздника Рождества 25 декабря. – С.Ц.], а не от Создания Мира, за многою разнь и считание в тех летах, и ныне от Рождества Христова доходит 1699 год, а будущего генваря с 1 числа настанет новый столетний век. И для того доброго и полезного дела, указал Великий Государь впредь лета

счислять в приказах и во всяких делах и крепостях писать с нынешняго генваря с 1 числа от Рождества Христова 1700 год. А в знак того добраго начинания и новаго столетняго века в царствующем граде Москве, после должнаго благодарения к Богу и молебнаго пения в церкви, и кому случится и в дому своем, по большим и проезжим знатным улицам знатным людям, и у домов нарочитых духовнаго и мирского чина перед ворота учинить некоторыя украшения от дров и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых против образцов (т.е. по образцу. – С.Ц.), какovy сделаны на Гостине дворе и у нижней аптеки, или кому как удобнее и пристойнее, смотря по месту и воротам, учинить возможно; а людям скудным каждому хотя <бы> по деревцу или ветви на ворота, или над домом своим поставить. И чтобы все то было приготовлено к наступающему ныне Генваря к 1 числу сего года, а стоять тому украшению Генваря по 7-й день того ж 1700 года. Да Генваря ж в 1 день в знак веселия, друг друга поздравляя Новым годом и столетним веком, учинить сие: когда на большой Красной площади огненные потехи зажгут и стрельба будет, потом по знатным дворам боярам, и окольныхым, и думным, и ближним, и знатным людям палатного, воинского и купеческого чина знаменитым людям каждому на своем дворе из небольших пушечек, если у кого есть, и из нескольких мушкетов или иного мелкого ружья учинить трижды стрельбу и выпустить несколько ракет, сколько у кого случится, и по улицам большим, где пространство есть, Генваря с 1 по 7 число по ночам огни зажигать из дров, или хворосту, или соломы, а где мелкие двory, собравшись пять или шесть дворов, такой <же> огонь класть... А перед Бурмистрскою Ратушею стрельбе и таким огням и украшению по их же рассмотрению быть же»²⁰.

Первое новогоднее празднество европейского образца проходило не так: как ныне, в ночь с 31 декабря на 1 января, а в дневное время первого дня 1700 г. Сигнализируя о начале праздника, раздался звон самого громкого в Москве колокола – «Ивана Великого», который звучал только по большим церковным праздникам. Царь вместе с воинством вышел на Ивановскую

площадь, затем присутствовал на литургии в Успенском соборе, которую отслужил в отсутствие больного и недовольного всеми нововведениями патриарха Адриана рязанский митрополит Стефан (Яворский), более лояльный к царю-реформатору. По окончании службы во всех московских церквях зазвонили колокола и начались народные гуляния по тому сценарию, что был предписан в указе. Сам Петр в это время пировал в Кремле с придворными и с иностранными послами, вечером открыл бал, а после того со своим окружением путешествовал по улицам столицы, забавляясь и одновременно контролируя ход праздничного веселья. Вот таким образом железной волей царя внедрялся в быт россиян самый радостный и любимый нами новогодний праздник.

Под пристальным оком царя Петра 1 января 1700 г. москвичи усердно поздравляли друг друга не только с Новым годом, но и, как предписывал указ, со «столетним веком», т.е. с началом XVIII столетия от Рождества Христова. Совсем напрасно Петр требовал именно таких поздравлений от своих подданных, потому что он допустил ту же самую ошибку, что и многие наши современники, считающие 2000-й год началом третьего тысячелетия; на самом же деле 1700-й год от Рождества Христова был последним годом XVII в.

Осуществляя времяисчислительную реформу, Петр I прозорливо предвидел противодействие ей со стороны определенной части русского общества и особенно со стороны церкви, поэтому в указе содержались такие слова: *«А будет кто захочет писать оба те лета, от Сотворения Мира и от Рождества Христова, сряду... свободно»*²¹. С одной стороны, это положение сглаживало противоречия между сторонниками старого и нового летосчисления, но, с другой – не допускало игнорирования новой эры даже приверженцами старых традиций.

Можно даже не сомневаться в том, что любыми средствами, вплоть до самых жестоких, Петр I внедрил бы в новое летосчисление в России, но суровых мер в этом случае не потребовалось. Эра от Рождества Христова очень быстро завоевала признание и образованной части общества, и простого народа, и

православного духовенства. И вновь, как и в Западной Европе, этому немало способствовала историческая наука, уже в начале XVIII в. создавшая хронологическую шкалу отечественной истории в годах новой эры. Мы помним, что на Западе заслуга со- вмещения эры Дионисия и истории человечества принадлежала Д. Петавию (см. главу 2). Кто же был создателем научно- исторической хронологии в России?

Первый русский хронолог

Как это ни удивительно, но право называться основате- лем историко-хронологического знания в России принадлежит совсем не профессиональному историку. Впрочем, удивляться этому не стоит: в России XVIII в. не было ни только историков, но и вообще каких-либо ученых. Недаром, подготавливая откры- тие Императорской Академии наук, Петр I приглашал в нее толь- ко иностранцев. Называемый же «первым русским историком» автор первого обобщающего сочинения по отечественной исто- рии Василий Никитич Татищев был всего лишь историком– энтузиастом, любителем, поскольку в Академии наук не служил и занимался совсем другими профессиями; кроме того, в своей «Истории российской» он, не мудрствуя лукаво, придерживался «летописного» летоисчисления от Сотворения Мира. Но вот что удивительно на самом деле, так это то, что последовательный пе- ресчет всех дат русской истории на новую эру осуществил чело- век, принадлежавший к духовному сословию, которое вроде бы больше других должно было противиться времяисчислительной реформе Петра I.

Это был митрополит ростовский Димитрий (1651–1709 гг). Научной историографией это имя совершенно забыто; в то же время уже на протяжении двух с половиной столетий верующие чествуют Димитрия как святого. Забвение научно-хронологи- ческих заслуг митрополита произошло уже после отделения церкви от государства, тогда как раньше они неоднократно при- знавались ученым миром²²

Димитрий (его светское имя – Даниил Гуптало) родился и большую часть своей жизни провел на Украине. Приняв постриг в 17-летнем возрасте, он посвятил себя церковному служению. Уже в «малороссийский» период своей биографии Димитрий прославился как талантливый и трудолюбивый писатель: он составил новую редакцию Миней-Четиих (книга, предназначенная для общего чтения и содержащая биографии всех почитаемых православной церковью святых); этот грандиозный труд и считается ныне одной из главных прижизненных заслуг угодника. В начале 1701 г. по личному распоряжению Петра I Димитрий был вызван в столицу и произведен в епископы. Факт внимания царя-реформатора к личности провинциального священника нельзя назвать случайным. Во-первых, Петр давно уже был знаком с Димитрием (в 1689 г. Димитрий приезжал в Москву в составе посольства украинского гетмана) и, вероятно, ценил его писательский талант. Во-вторых, ощущая сильное противодействие своим преобразованиям со стороны русской церкви, Петр I целенаправленно осуществлял постепенное ослабление патриаршей власти и при этом решил опираться на малороссийское духовенство. Совсем не случайно местоблюстителем патриаршего престола после смерти Адриана стал в 1700 г. уже знакомый нам митрополит Стефан (Яворский), выходец из Киево-Никольского монастыря и, кстати, близкий друг Димитрия. Кроме всего прочего украинское священство импонировало царю своей высокой образованностью европейского образца; например, в Киевской митрополии уже давно использовали в церковном летосчислении рядом с эрой от Сотворения Мира и эру от Рождества Христова.

В январе 1702 г. Димитрий стал ростовским епископом. Активная деятельность по обустройству дел епархии сочеталась у него со стремлением продолжить литературное творчество, о чем он проинформировал одного из своих столичных корреспондентов: *«Возжелал от скуки, если Господь захочет, сочинить краткий келейный летописец»*. В другом письме, однако, приводится иная мотивация начала новой литературной работы: Димитрий убедился в том, что рядовые священники русской церкви

плохо знают Священную историю, и поэтому он захотел *«краткую библейскую историю преподать им книжицею не zelo великою и умеренною, чтобы мог всякий недорого купить и удобно о всех содержащихся в Библии историях узнать, каковым идут порядком»*²³. Это сочинение, над которым Димитрий трудился до самой своей смерти и названное им «Келейный летописец» (т.е. летописец для «келейного», индивидуального чтения) и представлял собой первый российский научно-хронологический труд²⁴.

Приступая к описанию начального сюжета Священной истории, сотворению и грехопадению Адама, Димитрий сразу же оказался в затруднении, поскольку его разнообразные источники (тексты рукописных Библий, русские и византийские хронографы, латинские хроники и др.) определяли «райский период» человеческой истории различно – от 6 часов до 100 лет. Понимая, что при таких хронологических разногласиях его основная задача (*«о всех содержащихся в Библии историях узнать, каковым идут порядком»*) становится невыполнимой, Димитрий решает отвлечься от основной канвы своего повествования и определить для себя и для читателей принципы расстановки событий во времени. Именно так в «Келейном летописце» появляются две относительно самостоятельные статьи «О несогласном числении лет известие» и «Хронология по Библиям славянским и хронографам...», которые представляют собой не что иное, как первые отечественные историко-хронологические трактаты²⁵.

Для своей работы Димитрий, как ясно из этих трактатов, выбрал эру от Рождества Христова, знакомую ему еще по «малороссийскому» периоду жизни и ставшую уже официальной в России. Правда, в самом «Келейном летописце» мы не наблюдаем еще последовательного пересчета лет на христову эру: этому помешало задуманное автором ограничение рамок сочинения Рождеством, тогда как полноценный пересчет мог производиться лишь после этого рубежа (отсчет лет от Рождества Христова в обратную сторону, по схеме Д. Петавия, Димитрию был не знаком); именно поэтому в основном тексте своего сочинения он

применял годы от Сотворения Мира. Однако научно-хронологическую редукцию мы наблюдаем в других его произведениях. В краткой летописи из «Диария», доведенной от Сотворения Мира до XVIII в., все даты, последующие за Рождеством, Дмитрий пересчитал на эру Дионисия, то же самое мы наблюдаем и в двух черновых набросках продолжения «Келейного летописца»²⁶. Можно сказать, что расчеты русского митрополита были сродни по своей сути и методике исследовательским операциям «отцов» западноевропейской хронологии (Ж.-Ж. Скалигер и Д. Петавий), а в некотором смысле даже превосходили их тем, что проводились с использованием критических источникововедческих элементов.

Заслуги ростовского митрополита в основании отечественного научно-хронологического знания, как уже говорилось, к настоящему времени оказались полностью забытыми. Исследователи творческого наследия Дмитрия в XIX в. не придавали им большого значения, обращая внимание только на его агиографические труды. Православная церковь тоже старалась об этих заслугах не вспоминать и в момент обретения мощей Дмитрия в 1752 г., и в момент написания его канонического жития, и при составлении службы святителю (1758 г.), и в настоящее время. Причина ясна: как бы то ни было, но хронологические разработки Дмитрия объективно способствовали развитию критических взглядов на православные догмы и поэтому они не могли найти полного понимания прежде всего в той среде, в которой жил и трудился митрополит. Достаточно хотя бы сказать о том, что летосчисление Библии Дмитрий сравнивал с лабиринтом! Уже в 1707 г. Стефан (Яворский), ознакомившись с начальной частью «Келейного летописца», в одном из посланий упрекал его автора не только в отступлении от традиционной схемы описания ветхозаветной истории по четырем периодам, но и в смаковании хронологических противоречий Библии и других священных текстов. Тем не менее, начатое Дмитрием дело получило большой общественный резонанс: уже в XVIII в. научная хронология по-

лучила в России всеобщее признание, а эра от Рождества Христова прочно внедрилась в отечественный обиход.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Повесть временных лет // Повести Древней Руси: XI–XII века. Л., 1983. С. 131.

²Память и похвала князю русскому Владимиру // Златоуструй: Древняя Русь X–XIII веков. М., 1990. С. 135.

³*Грушевський М.С.* Хронологія подій Галицько-Волынської літописи // Записки наукового товариства імени Шевченка. Т. ХLI. Кн. 3. 1901. С.1–60.

⁴Повесть временных лет. С. 195.

⁵Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Приг. к печати Д.И. Абрамович. Пг., 1916. С.64.

⁶Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М., 1950. С. 467.

⁷Повесть временных лет. С.185–186.

⁸*Арицховский А.В., Борковский В.И.* Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1958–1961 гг. М., 1963. С. 124.

⁹*Мирзоев В.Г.* Былины и летописи: Памятники русской исторической мысли. М., 1978. С. 88.

¹⁰Об истории русских пасхальных расчетов см. интересные работы современного московского исследователя Р.А. Симонова: Математическая мысль Древней Руси. М., 1977; Кирик-новгородец – ученый XII века. М., 1980; Древнерусская книжность: В свете новейших источников календарно-арифметического характера. М., 1993; и др.

¹¹*Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография: Курс второй. СПб., 1902. С. 47.

¹²*Кураев А.* Двухтысячное Рождество // Российская газета. 1993. 6 января.

¹³Полное собрание русских летописей. Т.V, вып.1. Л., 1925. С. 156.

¹⁴*Пронштейн А.П., Данилевский И.Н.* Вопросы теории и методики исторического исследования. М., 1986. С. 72–73.

¹⁵Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1963. С. 60–61.

¹⁶Там же. С. 62–67.

¹⁷*Розов В.* Українські грамоти. Т. I: XIV в. і перша половина XV в. Київ, 1928. № 12.

¹⁸Все сведения об использовании эры от Рождества Христова в московской письменности XVII в. были обобщены известным филологом А.И. Соболевским (Указ. соч. С. 47–48).

¹⁹*Басманов А.* Окно // Наше наследие. 1989. IV (10). С. 36. Автор допустил ошибку, назвав новое летосчисление «календарем»; календарь-то, как раз, остался в России прежний – юлианский, появившийся на Русской земле еще в X в. одновременно с христианством.

²⁰Полное собрание законов Российской империи. Т. III. СПб., 1830. С. 680–681.

²¹Там же. С. 682.

²²Например: *Нечаев В.П.* Святой Димитрий, митрополит ростовский. М., 1849; *Шляпкин И.А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709). СПб., 1891; *Вертеловский А.* Святой Димитрий Ростовский и его творения // Вера и разум. 1910. NN 1–3.

²³Послания Димитрия цитируются по: *Шляпкин И.А.* Указ. соч. С.416, 419–420.

²⁴Под названием «Летопись иже во святых отца нашего Димитрия...» это сочинение, совсем не похожее, кстати, на «книжицу не зело великую», издавалось несколько раз (М., 1784; СПб., 1796; М., 1799–1800; М., 1807, 7-й том «Сочинений святителя Димитрия», и пр.). Самым полным и исправным было издание 1799–1800 гг., которое мы и будем использовать в своей работе.

²⁵Летопись иже во святых отца нашего Димитрия. Ч. 1. М., 1799. С.99-122.

²⁶Диарий св. Димитрия // *Шляпкин И.А.* Указ. соч. С.1-11; [*Димитрий (Туптало Д.)*] Роспись митрополитов киевских с

кратким летописанием // Московский любопытный месяцеслов на 1777 год. [М.], 1775. С. 54-108.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приближается третье тысячелетие нашей эры...

Знакомство с историей появления и развития эры от Рождества Христова, казалось бы, убеждает нас в условности предстоящего события; действительно, как выяснилось, мы не знаем в точности года рождения Иисуса Христа, но вместе с тем нам совершенно понятно, что наша эра определяет этот год неверно. Забудем все же об историко-хронологической стороне вопроса и сосредоточимся на величии наступающего момента. Весь мир отмечает двухтысячелетний юбилей той системы времяисчисления, которая стала неотъемлемым атрибутом современной цивилизации и, судя по всему, будет сопровождать человечество до конца его существования. Одновременно с тем глобальное празднование тысячелетнего рубежа является признанием особой гуманистической роли христианской культуры, потому что один из ее элементов – летосчисление – стал объединяющим моментом для разных народов, стран и конфессий и дал возможность человечеству полнее осознать свое единство и свое место во вселенной.

Выходит, что судьба даровала нам счастье стать свидетелями редчайшего и выдающегося события. Давайте с гордостью представим, как наши потомки, заинтересовавшись историей нашего времени, будут писать о том, что мы жили в конце XX – начале XXI в., а каждый из нас уже в ближайшем будущем сможет небрежно обронить по поводу недавних событий: «Это было давно, еще в прошлом тысячелетии...».

Учебное издание
Сергей Васильевич Цыб
2000 лет от Рождества Христова:
история нашего летосчисления
Учебное пособие

Печатается по готовому оригинал-макету,
предоставленному факультетом политических наук

Редактор: Л.И. Базина
Технический редактор: В.Е. Ситников

ЛР 020261 от 14.01.97

Подписано в печать 23.09.99 г. Формат 80х90/16 Бумага
офсетная. Печать офсетная. Условно-печатных листов 4,3.
Тираж 200 экз. Заказ 429.

Типография Алтайского государственного университета
656099, Барнаул, ул. Димитрова, 66